

МОРОЗОВА ДАРЬЯ

ДО ПОСЛЕДНЕГО КЛИЕНТА

16+

Дарья Вячеславовна Морозова До последнего клиента

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56062063

SelfPub; 2020

Аннотация

Представьте, что вы живёте в идеальном мире с любимым человеком. Вы каждый день счастливы и спокойны, всё прекрасно! Кроме одной детали: муж хочет сбежать отсюда...

Содержание

-1.1-	5
-1.2-	19
-1.3-	28
-1.4-	33
-1.5-	39
-1.6-	45
-1.7-	48
-1.8-	52
-1.9-	63
-1-	69
-2-	80
-3-	87
-4-	92
-5-	94

Дарья Морозова

До последнего клиента

*Все ситуации и люди являются вымышленными,
любые совпадения с реальными событиями или людьми
исключены.*

-1.1-

– Ты полил вчера гортензии?

Айоко повернулась к мужу и обвила его своими тонкими руками, прижавшись всем телом.

Молодой мужчина рядом с ней замычал в ответ, не размыкая век.

– Что? – она улыбалась с закрытыми глазами, положив голову ему на грудь.

– Сегодня пойдёт дождь, – повторил своё заверение мужчина уже громче, положив кончики пальцев на оголённое плечо жены. Женщина повела им, чтобы рука супруга заняла побольше места, но это не сработало.

Молодые люди лежали, молча, а сквозь зашторенные окна в спальню пробивались озорные лучики солнца.

– Дождь так дождь, – окончательно проснулась Айоко и опустила ноги на мягкий ковер, с первой попытки найдя тапочки. – Что ты хочешь на завтрак?

– Я не голоден, – откликнулся мужчина, положив кисти на широкую грудь.

Женщина улыбнулась и накинула шелковый халатик.

– Я могу сделать тебе яйца Бенедикт, идёт? Тебе они вроде понравились.

– Да, звучит неплохо, – откликнулся муж.

Когда она вышла из спальни, то тяжёлый вздох сорвался с

её губ. Она видела предвестников, которые грозили ей Перемещением, и поняла, что была не готова к ним. Совершенно.

Стоило ей выйти из спальни, молодой мужчина открыл глаза, вытянул перед собой руки и стал на них смотреть, сжимая и разжимая пальцы, словно видел их впервые.

Пока Айоко готовила, на глаз безошибочно отмеряя количество продуктов и время, в её голове роились неприятные для такого чудесного утра мысли: она счастлива, здесь и сейчас, любима и любит. У них уютный дом, умная и преданная собака, прекрасный сад, удобная машина, приятные соседи и весёлые друзья – есть всё, что необходимо для жизни. Их мир уникален среди всех известных из его проекций. Тут нет войн, нет алчности, нет боли и страданий. В их мире всё, абсолютно всё получается с первой попытки. Стоит только чего-то захотеть, то почти сразу это случится. У художников и скульпторов шедевры получаются с первого раза, музыканты и поэты без мук творчества сочиняют свои лучшие произведения. Операции выходят удачными с первого раза. Лекарства помогают с первой таблетки. Нет такой области знаний, которые не смог бы освоить в совершенстве абсолютно любой человек. Инженеры, пилоты, повара, водители-дальнобойщики, пожарные – любой мог стать кем угодно. Стоит только захотеть.

Айоко обожала печь и украшать торты. Часами она могла пропадать на кухне, раскатывая глазурь или рисуя тончайшими кисточками узор на мастике.

Да, она была счастлива. Каждый день она просыпалась с ощущением того, что любит всю свою жизнь без остатка и каждую минуту в ней. Идеальная жизнь. Идеальный мир.

Брайана она встретила в Академии художеств и влюбилась с первого взгляда. Это было невероятное притяжение, магия, которая только усилила её счастье.

Когда они поженились, то редкий прохожий не провожал их улыбкой: до того это была прекрасная пара!

Однако спустя какое-то время у них стали возникать споры по пустякам, инициатором обычно выступал Брайан. Что-то тяготило его, но не осознавая эту причину, он ссорился с женой. Вот тогда-то Советник по вопросам семьи и брака посоветовал им попробовать Перемещение врозь друг от друга.

Супруги тогда испуганно переглянулись. Процедура эта была известная, опробованная многими их друзьями, но сами они ни разу не прибегали к ней.

– А зря, – заметил Советник, – Перемещение снимает напряжение, которое неизбежно возникает в браке. Это как отпуск врозь, только куда интереснее. То, что вам нужно.

И они согласились.

Суть Перемещения заключалась в том, что сознание людей помещают в тела новорождённых в параллельных мирах и выбранном заранее времени. Так начиналась новая жизнь в не столь совершенном мире, как их. После смерти сознание возвращалось в оставленное ими тело, и они снова мог-

ли жить в своей сказке. Они просыпались в своих домах.

Брайан после Перемещения был счастлив как никогда. Он словно влюбился в жизнь. Был активен и бодр. У них каждый день был как новый медовый месяц.

Но вот прошло время, и женщина стала замечать, что супруг становится задумчивым и погружается в себя. Он реже улыбается. И этот взгляд. Она не могла его описать, но этот взгляд, которым он иногда смотрел на своё отражение в зеркале или на свои руки, словно, не узнавая... Беда близка.

Айоко ни за что не хотела больше пользоваться Перемещением. При воспоминании той жизни, где были почти одни страдания и борьба, женщина невольно вздрогнула, и капли кипятка упали на её руку. Независимо от мира и времени, в которые она «погружалась», неотступно следуя за выбором мужа, те её жизни были тяжёлыми и почти невыносимыми.

Она быстро намазала обожжённое место мазью, и чтобы отвлечься от грустных мыслей, включила телевизор.

– Мы начинаем новый выпуск нашего шоу «Не моя вина»! Сегодня мы наблюдаем за Гретхен. Гретхен утверждает, что делает всё, чтобы сбросить лишний вес!

Молодая женщина устала в монитор, прихлёбывая любимый травяной чай.

– Что нового? – Брайан вошёл на кухню, натягивая на ходу белую футболку на хорошо скроенное тело.

– Представляешь, сделала операцию по уменьшению желудка, но при этом продолжает питаться жирной пищей! Бо-

лее того, пропускает занятия по физической культуре! И говорит, что старается! Что это – «не её вина»!

Супруг хмыкнул: ему было всё равно, но он не хотел обидеть жену.

Их любимец – рыжая колли по кличке Малыш – подошёл к хозяину, плюхнувшись в кресло, и положил голову тому на колени. Глаза у него были грустные.

– Я хочу сходить в кафе, ты не против? – Айоко поставила завтрак перед мужем и ласково погладила его по плечу, зарылась носом ему в макушку. Брайан коротко погладил её по руке: благодарность. – Малыш, а ты иди сюда, у меня для тебя есть кое-что вкусненькое...

Чуть позже, нагулявшись в городском парке под ярким осенним солнцем, они уютно устроились за столиком в кафе. Перед ними на маленьком круглом столике стояла чашка кофе, чашка чая и 2 потрясающие булочки с корицей. Сдоба была только что приготовлена, и от неё ещё исходил пар.

Айоко сняла свою фетровую широкополую шляпу, небрежно положила её на подоконник, украшенный искусственными разноцветными листьями и каштанами, прижалась к мужу. Тот по привычке поднял руку и обнял жену за плечи. Молча. Вопреки своему характеру инициатор этой прогулки почему-то не могла быть беспечной и весёлой. Брайан был несколько отрешён. В последнее время они вообще мало говорили.

В кафе зашла пара в нарядах эпохи Людовика XIV. Все

присутствующие заоплодировали им, а вошедшие чинно раскланялись, рассмеялись.

Айоко и Брайан коротко поздоровались с ними: Лейла и Роберт были заядлыми «перемещенцами», они, как иногда стали говорить "подсели" на Перемещение. Они проводили больше времени там, чем тут.

Брайан очень хотел что-то сказать жене, но, увидев в её глазах осуждение вошедших, передумал.

– Хочешь поехать к морю? – предложила внезапно Айоко.

– Почему бы и нет, – откликнулся мужчина и потянулся за кофе, выпустив жену из объятий.

Та повела плечами: ей стало зябко без рук мужа, однако она побоялась тревожить его такими пустяками.

На следующий день они отправились к морю. Айоко взяла напрокат старенький красный фургончик: такой уютный и комфортно дребезжащий на ухабах – всё, как ей хотелось! Ехали к морю в тишине. Брайан погрузился в себя и время от времени только приподнимал уголки губ в ответ на её «Хей!». Чтобы отвлечься, водитель включила музыку: лёгкая мелодия заполнила салон машины и, казалось, супругам стало легче. Малыша они оставили дома, и теперь женщина сожалела об этом решении: наличие третьего в машине разрядило бы остановку.

День, который они выбрали для поездки тоже нельзя было назвать удачным: небо было затянуто свинцовыми тучами, изредка прорываемыми острым резким солнцем, волны туч-

но шли одна за другой и устало падали на берег. Казалось, что там, в небесах шла ожесточённая борьба, в которой не могло быть победителей, а поражённым оказывалось нечастное ни к чему море.

Супруги сидели на деревянной скамеечке, окружённой сухой высокой травой, и смотрели на мрачную красоту этого дня. Женщина обвила рукой локоть мужа и положила ему голову на плечо. Мужчина грел озябшие кисти рук в карманах любимой тёмно-зеленой парки.

Айоко надеялась, что поездка к морю, которое Брайан так любил, развеет его усиливающуюся отрешённость. Её рука скользнула в карман мужа и сплела их пальцы. Несмотря на то, что они сидели бок о бок, и большой палец поглаживал её кожу... Она понимала, что теряет его.

На пляже, у самой кромки бушующей воды показался человек. Он шёл довольно бодро, неся под мышкой доску для сёрфинга.

– Что такое? – заволновалась Айоко, выпрямившись. – Ведь нельзя! На море почти буря! Эй!.. Эй! Брайан, пойдём, его надо отговорить! Это же опасно! Эй!

Пока парочка шла к отважному серфингисту, тот невозмутимо натирал воском доску.

– Эй! Привет! – Айоко была полна решимости отговорить сумасброда от его идеи. – Кхм, Вы ведь не собираетесь кататься по волнам в такую непогоду?

Незнакомец поднялся с корточек и повернулся к ним. Это

был пожилой мужчина лет 70 с длинными седыми волосами, собранными в хвостик, короткой бородкой, загорелый, светло-серые глаза, которого насмешливо сощурились при виде смущённой молодой особы: не пристало людям старше себя говорить «привет».

– Привет! – живо откликнулся незнакомец. – Ещё как собираюсь! Нельзя упускать случая пощекотать жизни нервы!

Только сейчас стало заметно, что у него нет одной руки. Левой.

– Ой... – Айоко так смутилась, что не знала, как ей быть. Она проклинала себя за желание подойти к этому незнакомцу. Какое неловкое положение!

Брайан приобнял её.

Ненадолго из-за туч показалось ослепительное солнце.

Незнакомец, заметив замешательство женщины, широко и непринуждённо улыбнулся ей.

– Простите, я не хотела быть невежливой.

– Знаю, Вы просто беспокоились. Мне очень приятно, что обо мне решила позаботиться такая прекрасная девушка. – Незнакомец галантно поклонился, вольно или невольно обрубок руки при этом подался назад и стал виден его конец.

Неловко.

– Почему отложили операцию? Это же преступление! Вас должны были оперировать в первую очередь! – вскипела Айоко.

– Операцию? – переспросил незнакомец.

– По наращиванию руки, – его собеседница покраснела, сама не зная отчего.

– Она была мне назначена тут же, как только меня вытащили из воды после нападения акулы, – заверил её мужчина. – Я отказался.

– Отказались? – переспросила Айоко, решив, что ветер в ушах сыграл с её слухом злую шутку.

Брайан подался чуть вперёд.

– Вы сами отказались от операции? Почему? – подал он голос.

– Глупо, да? Ведь как просто – раз и снова есть рука! Два – и стёрты все неприятные воспоминания! Да? Так?

– Ну да, – робко откликнулась Айоко.

– А что если я не хочу? Что если я решил остаться таким на всю оставшуюся жизнь и при этом чувствовать себя полноценным человеком?

– Но разве это возможно? Ведь руки нет, ваши возможности ограничены! – не поняла женщина.

– Это всего лишь тело, а вот разум, – незнакомец коснулся пальцами виска. – Разум способен нас удивить.

– Мы должны сообщить в службу спасения в любом случае. Купаться в такую погоду опасно для...

– Для жизни? – усмехнулся мужчина. – Когда придёт мой час, тогда всё и случится. Я думал, что умру в пасти той акулы, а она открыла мне глаза на то, кто я такой.

Айоко легонько тронула мужа за локоть.

– Пойдём. Малыш ждёт.

Она прошла пару метров, кутаясь от поднявшегося ветра, пока поняла, что муж не идёт следом. Обернулась: он стоял и разговаривал с незнакомцем.

– Брайан!

На крик обернулись оба мужчины и в это мгновение она увидела, как похожи их взгляды.

– Брайан! – как-то отчаянно позвала мужа Айоко. Супруг, вновь засунув кисти рук глубоко в карманы, пошёл к ней, утюжа почти белый песок под ногами. – О чём вы говорили? – спросила она его и накинула ему на голову капюшон парки.

– Ни о чём особенном. О превратностях судьбы, – неохотно пробормотал мужчина через некоторое время.

Айоко остановилась и схватила мужа за плечи, притянула к себе и со страхом в голосе спросила:

– Ты всё ещё любишь меня?

– Конечно! Почему ты спрашиваешь? – Брайан взял её кисти в свои руки и чуть отстранился от супруги.

– Да так. Просто хотела услышать.

Через неделю после этой поездки они сидели в гостиной, читали книги. Айоко решила на разговор.

– Милый, я всё понимаю. Я вижу, что с тобой происходит. Если хочешь, давай сделаем это. Давай снова пойдём в Перемещение.

Тонкость работы портала для Перемещения заключалось

в том, что клиент мог выбрать любое количество рождений до начала сеанса, и выйти из системы, вернуться в свой мир он мог только по прошествии всего цикла. Для того, чтобы начать своё «путешествие» надлежало пройти через световой портал, к которому выстраивалась очередь. Каждый держал в руках пропуск, куда заранее после всех проверок и анкет, была занесена информация о количестве желаемых перемещений и пожеланий по мирам и временной эпохе. В случае, если выбиралось только одно воплощение, то человек по его завершении просыпался у себя дома в кровати, координаты которой задавались при анкетировании. Однако если клиент желал прожить сразу несколько жизней, то он, после смерти в очередном мире-времени, появлялся в Зале ожидания здания Перемещения и, приходя в себя, снова шёл к очереди в портал.

Супруги знали уже все правила.

Брайан стоял в очереди с заветным талоном в пальцах и от волнения немного постукивал носком о пол. Айоко, испуганная, бледная, крепко держалась за его руку, с каждым шагом вперёд немного тянула на себя, назад. В сжатом кулаке был её билет. У них было направление в один мир, в одну эпоху, в которой они вряд ли найдут друг друга. Она обещала себе не плакать. Надо быть сильной. Надо отпустить его. Это поможет им. Всё правильно. Так решил Брайан. Она делает это для него. Но... как же Айоко ненавидела тот мир, который они отныне вынуждены исследовать снова и снова,

пока не остановится отсчёт! И ведь там она потеряет его, потеряет непременно!..

– Чтобы найти его здесь, – заверяла себя Айоко, и только эта мысль не давала ей убежать прочь. До момента погружения в портал можно было в любой момент отказаться от Перемещения. И проще было ей просто дождаться мужа в их доме, но кое-что страшило её ещё больше: одиночество.

Однако в этот раз всё пошло совсем не так, как раньше.

Айоко это ощутила в то самое мгновение, как открыла глаза и увидела глубоко разочарованный взгляд Брайана, который она даже не посчитал нужным скрыть. Она была счастлива вернуться обратно, фактически просуществовав в боли и безысходности, в мире, где человеческая жизнь не стоит и ломанного гроша.

Прошёл день. Всего день после их возвращения, но вот они снова были в Конторе для Перемещений.

А потом... Иногда такое случалось и считалось нормой, и всё же Айоко стало тревожно: она вернулась первой. Тогда она решила, что будет готовиться к возвращению мужа, делает всё, чтобы было идеально!

Брайан умер и проснулся. Он открыл глаза: их дом, их кровать. Айоко рядом не было. Внезапное облегчение от этого факта. Ветер слабо колыхал занавески через открытое окно, был слышен тихий звон «Песни ветра». Мужчина встал и босым прошёл прямо в сад, где буйно цвели белые розы и гортензии. В беседке в кружевном белом пеньюаре сиде-

ла супруга, запрокинув голову назад, позволяя солнцу мягко касаться её гладкой кожи.

Он молча сел на соседний стул. Его жена тут же выпрямилась и счастливо улыбнулась.

Брайан наклонился и, ни говоря ни слова, положил голову ей на колени.

– Он вернулся! – думалось Айоко. – Вернулся ко мне! Как же я счастлива!

Её муж приходил в себя долго, и по нахмуренным бровям она уже знала: он не доволен, он хочет вернуться, хочет снова погрузиться в чужие миры. А потом? Потом он остановится? Вернётся к ней?

Против своего желания, боясь одиночества и надеясь на то, что Брайан оценит её поступок, она ходила с ним снова и снова.

Её ноги каждый раз становились ватными, когда она брала билет для Перемещения. Всеми фибрами своей души она ненавидела всё это. Ей были противны стены, пол, потолок этой конторы. Её раздражали вечно улыбочивые и вышколенные служащие. Она не понимала, как Перемещение может нравиться.

Айоко пробовала найти мужа в очередном мире раз за разом. Тщетно.

Да, изначально они согласовывали миры-эпохи, но потому всё вышло из-под контроля.

Снова смерть и пробуждение дома. Малыш радостно виз-

жал около кровати, лизал её руки, изо всех сил крутил хвостом.

В доме больше никого не было.

-1.2-

Их перемещения больше не совпадали. Она просыпалась одна в кровати и тут же звала его, искала по дому. Первое время он хотя бы оставлял записки, потом послания становились короче, суше, появлялись через раз, а вскоре и вовсе перестали находиться. Айоко не хотела признаваться себе в том, что похоже он вообще перестал появляться дома. Это означало только одно: Брайан увеличил количество Перемещений и больше не считал необходимым ставить её в известность, о чём бы то ни было.

Больно.

Рассеянно глядя скучавшего Малыша, за которым на время их Перемещений приглядывал их сосед, Айоко пыталась унять боль и гнев, которые разрастались у неё в груди и сердце. Разум капитулировал быстро и почти без боя. Ему нечего было возразить на очевидные факты. Даже одежда Брайана была на месте. Раньше он хотя бы переодевался, но вот уже неделю все вещи на месте.

Она засыпает каждую ночь, отталкивая Малыша, рвущегося к ней на кровать, в надежде, что Брайан с минуты на минуту возникнет перед ней. Её сон стал очень чутким и рваным: она часто просыпалась в страхе, что упустила появление Брайана. Как ей хотелось ощутить на своих плечах его сильные горячие руки и услышать родной мягкий шёпот,

оглашающий окончание этого безумия!

Пёс, жалобно скуля, устраивался у кровати: он тоже плохо спал, реагируя на каждый шорох и всхлип с кровати. Он не понимал, куда делся его хозяин, надеялся получить от хозяйки внимание, однако она теперь смотрит как бы сквозь него. Будь он человеком, он бы ушёл, не потерпел бы такого отношения, но собаки – верные и преданные создания, поэтому Малыш прощал пренебрежение раз за разом.

С некоторых пор у Айоко по утрам появился небольшой ритуал: проснувшись, она не стремилась сразу поднять веки, а лежала неподвижно с закрытыми глазами. Так она создавала себе иллюзию на возможное чудо. Она осторожно втягивала воздух, надеясь уловить родной запах. Пальцы сжимали край подушки, когда она вся обращалась в слух: вдруг услышит его дыхание.

Пока она не открыла глаза у неё ещё оставался шанс на окончание всего этого кошмара, она могла пребывать в иллюзии возможного хэппи-енда этой нелепой истории. Стоило же поднять веки, и реальность крушила её грудную клетку и сдавливала горло. Сколько можно плакать уже? Айоко казалось, что скоро она будет плакать кровью.

И одним таким утром её вдруг поразила мысль: почему она только и делает, что ждёт? Можно же что-то сделать!

Молодая женщина вскочила с кровати, поспешно натянула джинсы и футболку и, не обратив внимание на пустую миску собаки, запрыгнула в машину и поехала в Перемеще-

ние.

Измученная бессонницей, тревогой, разросшейся болью и обидой, она, конечно, не смогла бы получить талон на Перемещение, да и не хотела! Но под угрозой устроить грандиозный скандал, если её не пустят увидеть мужа, который явно или в очереди к portalу или Зале ожидания, ей удалось добиться своего.

И вот среди вереницы людей перед порталом она увидела ЕГО!

– Брайан!

Айоко бросилась к мужу, вызывая сумятицу в очереди.

Она крепко вцепилась в Брайана, который невесомо положил руки ей на плечи, и не могла перестать плакать.

– Обними меня! Прижми меня к себе! – мысленно просила Айоко, крепче сцепляя руки за спиной мужа, вжимаясь в него до жжения кожи на лице.

Был миллион причин, по которым слёзы градом катились по её щекам, а вместо слов изо рта вырывались только стоны. Однако больнее всего было осознание того, что Брайан был взбудоражен и счастлив, он спешил на очередной скачок, и её бурная реакция явно расстроила его, была воспринята им с досадой.

– Айоко, милая, что ты? – он скупно провёл рукой по её голове, делая шаг вперёд, так как впереди уже освободилось место.

– Нет, прошу тебя, прошу! Не уходи! – Рыдания души-

ли молодую женщину, она крепко держалась за напряжённое тело мужа, отчаянно пыталась ему всё объяснить, но дыхания не хватало. Ей казалось, что как только она разожмёт свои руки, то муж исчезнет навсегда.

– Что ты? Зачем? – Брайан смущённо огляделся, явно испытывая неловкость и стыд за эту сцену. Он пытался расцепить объятия жены.

– Мы... опять потеряем друг друга и... будем жить врозь, а я так не могу. Понимаешь?.. Не могу! – Айоко скорее кашляла, чем говорила. Ей было трудно дышать, перед глазами всё плыло.

– Что ты такое говоришь? Мы не потеряем друг друга! – очередь замедлилась, но не встала, светящийся портал продолжал поглощать людей. Брайан вскинул голову, с тревогой наблюдая за продвижением очереди. Он сильно торопился, едва бросал взгляд на макушку жены. – Вот, смотри, смотри. Видишь? – он вытащил из-за пазухи золотой овальный кулон, открыл его и показал ей фотографию: на ней была Айоко. – Видишь? У тебя есть такой же кулон с моим фото. Как же мы потеряем друг друга? Мы найдёмся. Обязательно!

Женщина выпрямилась и дотронулась до кулона у себя на шее. Там действительно была фотография мужа.

– Вот видишь? Пока они у нас есть, всё в порядке, мы найдёмся и тут, и там! – Брайан провёл пальцами по влажной щеке супруги. – Упокойся. Иди домой. Я вернусь!

Айоко хотела возразить ему, она чётко помнила, что бы-

ла причина, по которой этот приём с кулоном не работает. Однако из-за ужасного волнения не могла вспомнить какая.

Брайан вручил свой пропуск работнику Перемещения и, даже не помахав жене на прощание, с наслаждением и облегчением погрузился с мягкое сияние портала, полностью растворяясь в нём.

– Кулона нет на мне, когда я в новой жизни, – тихо сказала Айоко.

Мимо женщины медленно и неуклонно двигалась очередь желающих совершить потрясающее приключение, а всё, что хотелось Айоко, чтобы слова мужа оказались правдой: он вернётся.

Может он действительно проживёт сейчас там последнюю жизнь и вернётся? Да? Ведь он так и сказал, правда?..

Молодая женщина хотела верить, что с окончанием очередного цикла Перемещения мужа всё в так любимом ею мире придёт в обычное прекрасное состояние. Баланс восстановится.

Она ждала его изо дня в день, осмелившись впервые в жизни встретить лицом к лицу одиночество. Занимала себя, как могла. Пекла торты, украшала их так тонко, что лепестки цветов было невозможно отличить от настоящих! Айоко стала учить несколько иностранных языков, вычистила их дом от подвала до чердака, разобрала старые вещи и избавилась от них. Научилась немного шить и конструировать одежду. Справила один свой день рождения без него. Ходила в мага-

зин и покупала новые одежду и обувь для мужа. Регулярно готовила его любимые блюда, затем избавляясь от испорченной еды. В холодильнике всегда были свежие сыр и рисовый пудинг, которые кроме Брайана никто не ел в их паре. Часто стала ездить с Малышом на пляж и подолгу сидеть там, безучастно глядя на волны. По странному стечению обстоятельств на море почти всегда было беспокойно, несмотря на яркое солнце сквозь тяжёлые облака, поэтому каждый такой день походил на другой.

Пёс поначалу радовался этим поездкам, мельтешил под ногами, приносил палки, просил поиграть с ним. Однако со временем он понял, что особо ни на что рассчитывать не приходится, и если на пляже не было детей, готовых поиграть с ним, то он укладывался на песок рядом с хозяйкой и ждал её сухого: «Пойдём, Малыш», что означало их возвращение.

Однажды она увидела того самого однорукого пожилого мужчину, что снова пришёл на пляж с доской для сёрфинга. Айоко вскочила на ноги и побежала к нему, чувствуя разрастающуюся злость.

– Эй Вы! – она грубо схватила незнакомца за плечо. – Что Вы тогда сказали моему мужу? Что наплели ему?

От бега она запыхалась и покраснелась, глаза сверкали от бешенства и ярости.

Проигнорировав её, мужчина присел на корточки и протянул руку к Малышу, который был явно доволен неожидан-

ной пробежкой.

– Привет, красавчик! – сказал ему мужчина, улыбаясь. – Кто тут хороший мальчик?

Пёс завилял хвостом и с радостью подставил голову под ладонь: кто-то готов обратить на него внимание и подарить ласку!

– Прекратите! – взвизгнула Айоко. – Малыш, фу! Назад!

Малыш, явно неохотно, повиновался и сел рядом с ней, продолжая дружелюбно следить за человеком, проявившим к нему неподдельный интерес.

– Что Вы тогда сказали моему мужу? Полгода назад! Мы были на этом самом пляже. В тот день ещё был шторм, и я окликнула Вас, чтобы...

– Я помню Вас. И Вашего мужа. – незнакомец выпрямился и спокойно посмотрел женщине в глаза. – Ваш муж тогда спросил: вероятность умереть усиливает любовь к жизни? И я ответил, что жизнь всегда конечна, поэтому риск – обязателен, страдания – по желанию.

– Риск обязателен? Что... Да что Вы такое говорите? – вспыхнула Айоко, сжав кулаки. – Какие страдания? Мы были счастливы! Пока не появились Вы со своей доской и никому ненужными фразочками! Да кто вы вообще такой?!

– Это всего лишь то, как живу я и что нравится мне, – пожал плечами мужчина, не поддаваясь тому жару, с которым его собеседница кидала все эти слова. – Я не знаю, что между вами произошло и почему теперь Вы одна, но Ваш муж

явно решался на то, на что он обрѣк Вас сейчас уже давно. Возможно, что мои слова подтолкнули его, но даже без них он бы всё равно сделал то, что причиняет Вам столько боли сейчас. Что случилось?

– Перемещение. Он никак не возвращается. – глухо выдавила из себя Айоко, с трудом убирая гнев на задний план.

Мужчина впервые за всё время их разговора удивлённо вскинул на неё глаза.

– Перемещение? Вот как...

Им нечего было больше сказать друг другу.

– Пойдѐм, Малыш, – позвала она и повернулась, чтобы уйти.

– Подождите! Я могу Вас попросить об одном одолжении? Я понимаю, как это неуместно, но это важно.

– Смотря о каком, – Айоко разумно осторожничала.

– Я сейчас назову Вам адрес, там живѐт одна женщина...

– Кто она?

– ... поговорите с ней. Можете рассказать обо мне, если захотите, но я бы предпочёл, чтобы Вы этого не делали.

– Просто поговорить? Зачем?

– Возможно, у неё есть ответы на некоторые Ваши вопросы. Похвалите её розы для начала, они растут прямо перед домом. Она очень приветливая и наверняка позовѐт Вас на чай. Не отказывайтесь. У неё всегда есть что-то к чаю, а печѐт она великолепно!

– Ничего не обещаю. Возможно, – пробормотала Айоко.

– Всего Вам хорошего! – попрощался с ней незнакомец, назвав адрес и попросив свою собеседницу повторить его. – И тебе, красавчик!

– Всего хорошего! – ответила женщина. – Малыш! – окрикнула она пса, который закрутился перед незнакомцем, стараясь получить как можно больше ласки прежде, чем уйти.

Айко не собиралась никуда ехать и ни с кем общаться. Больше на этот пляж она не ездила.

-1.3-

Её уже хорошо знали в корпорации Перемещение.

Раз за разом она приходила, требовала, плакала, умоляла сделать хоть что-то! Её больше не пускали ни в очередь к порталу, ни в Зал ожидания.

Наконец, она добилась внимания того, в чьи обязанности не входит общение с клиентами. Сам создатель и одновременно начальник Корпорации – Николя Бирно – попросил привести возмутительницу спокойствия отлаженной системы к себе.

Конечно, Айоко была взволнована предстоящей встречей, поэтому в лифте из стекла и зеркал, что поднимал её на самый верхний этаж судорожно пыталась придать своим волосам хоть какое-то подобие ухоженности. Одёрнула толстовку мужа, подтянула джинсы. Не каждый день встречаешься с влиятельной особой.

Впрочем, открытая улыбка высокого худощавого мужчины лет 60 с честной сединой в волосах и сшитом на заказ костюме цвета электрик смогла развеять её представления о «царе горы».

– Мадам, прошу Вас, садитесь. Ваша ситуация очень деликатна и требует времени и понимания, – глава Перемещения легонько пожал тонкую женскую руку, – с обеих сторон.

Она села на самый краешек кресла, сцепив кулаки на ко-

лениях. Внимательный изучающий взгляд светло-серых мужских глаз смущал её больше, чем обстановка в стиле «минимализм»: она ожидала показушной роскоши и золотых тяжёлых рам с дорогими картинами по всем стенам, редких ваз и фотографий владельца корпорации с богатыми мира сего.

Николя предложил ей воды, Айоко отрицательно мотнула головой.

– Дело в том, – мягко начал Николя, – что ваш муж, кажется, не поставил вас в известность об одном договоре с нами. И после небольшой проверки и сличения вашей подписи, оказалось, что он подделал Вашу подпись на его согласии в неограниченном количестве перемещений.

– Что? Брайан не мог! Не мог! – вскинулась Айоко, и кровь ушла с её лица. Подмена собственной подписи меньше всего волновала молодую женщину.

– К сожалению, это так, – развёл руками Бирно. – Однако всё не так пугающе, как звучит. Дело в том, что...

– Раз я согласие не подписывала, и Вам это известно, значит, никакого права продолжать перемещения ни у Вас, ни у него нет! – перебила его жена клиента, перед которой забрезжила реальная возможность прекратить весь этот кошмар и неопределённость.

– Нет, – ошарашил её Николя. – Здесь именно Вы играете главную скрипку, и только Вам решать, вернётся ли он и когда именно.

Айоко нахмурилась, переваривая ответ создателя Пере-

мещения.

– Вы говорите о каком-то пункте договора, который мне неизвестен? – наконец высказала осторожное предположение молодая женщина, уже заранее понимая, что это не так.

Николя укоризненно покачал головой.

– Айоко, Вы – умная женщина. Я уверен, что Вы рано или поздно поймёте меня, но давайте начнём немного с другого. Скажите, Вам самой нравится Перемещение?

– Я его ненавижу. – не задумываясь о чувствах создателя всей системы, выпалила Айоко. – Я каждый раз переживаю жизнь одна ужасней другой! Я не понимаю, почему так происходит? Ведь и Брайан, и наши знакомые – все получают иное! Они там счастливы! Что со мной не так?

– Это очень хороший вопрос, Айоко! Я бы сказал – основополагающий! – Николя встал с кресла и присел на стол напротив собеседницы. – Понимаете меня?

– Хотите сказать, что я... сумасшедшая?

Брови господина Бирно удивлённо вздёрнулись вверх, он не смог сдержать разочарованного вздоха.

– Не понимаете, – резюмировал он. – Хорошо, попробуем так: что будет, если я открою одну тайну Перемещения? Что если я скажу Вам, что человек сам определяет, какая жизнь ему достанется? И это происходит не из-за внесения какой-либо информации на пропуск к порталу, а исключительно, скажем так, по велению души. Программа изначально настроена на то, чтобы доставить клиенту максимум по-

ложительных эмоций. Она даёт человеку то, что он хочет, считывая самые сильные его эмоции. Однако не способна справляться с таким шквалом негативных эмоций, и поэтому иногда бывают, как бы сказать, сбои.

– Сбои, – одними губами повторила Айоко. – Хотите сказать, что все эти жизни, полные страданий, это – мой выбор?!

– Конечно! – от мягкой улыбки Николая становилось очень тепло, против своей воли хотелось расслабиться, – Ваш от начала до конца. Насколько я понял из вашего с мужем досье, Вы были против Перемещения, так? Но предпочли последовать за мужем. Похвально, но не очень разумно. Программа распознаёт признаки стресса, недовольства, страха и трансформирует это в вашу дальнейшую жизнь. И так раз за разом.

– А Брайан?

– Ваш муж напротив показал высокие показатели стрессоустойчивости, открытости миру и всем его проявлениям, жажды жизни, так сказать. И он, естественно, наслаждается каждой новой выдуманной жизнью.

– Вы можете вернуть его? Вы должны его вернуть, раз документы оформлены неверно!

– К сожалению, всё не так просто. И тут тоже...

– Что? Это тоже моя вина? – выпалила Айоко прежде, чем подумать. Ведь речи об этом не было, Николая ранее упоминал только выбор. Возникла непродолжительная пауза, после которой здание мелко задрожало, пространство во-

круг заполнили звон и вибрация. Николая, побелев, судорожно вцепился в столешницу, не сводя взгляда с испуганной женщины. Внезапно всё прекратилось.

– Землетрясение. – натянуто улыбнулся Николай. – Бывает.

– Оно... Не опасно для перемещенцев?

– Нет, нет, не волнуйтесь, всё хорошо. Система выдержит и не такое, однако я должен сейчас с сожалением попрощаться с Вами и проверить всё лично. Вы ведь понимаете?

– Но мой муж!.. Вы должны вернуть его!

– Поговорим об этом завтра, Айоко, хорошо? Был искренне рад с Вами познакомиться. Я распоряжусь, чтобы Вас пускали в любое время. Нам о многом надо поговорить.

Айоко была ему благодарна: впервые с момента исчезновения Брайана она не чувствовала больше себя одинокой. Был человек, которому хотелось довериться и разделить с ним груз волнений и тревог.

Так у неё появилась надежда.

-1.4-

Отныне Айоко стала постоянным гостьей радушного Николая. Ей было неловко признаваться самой себе, но каждый раз, пересекая границу его просторного кабинета и зеркально отвечая на его широкую тёплую улыбку, её не покидало ощущение, что она пришла не в офис, а на приём к врачу, например, психологу.

Но это чувство появится в ней не сразу, а после того, как они с главой Перемещения практически станут добрыми приятелями.

Николя всегда ожидал её визита, это было видно даже по чашке ароматного чая улун, неизменно появлявшейся словно из ниоткуда перед гостьей на столе.

– Вы – фокусник? – невольно улыбалась Айоко, смело стягивая с плеч джинсовый пиджак и кидая его на спинку кресла. – Вы знаете, когда я приду? Чай всегда горячий.

– У всех есть свои маленькие секреты, – загадочно отмахивался Николая и протягивал гостье коробку со сладостями: то макарены, то помадка, то зефир... Чашка чая непостижимым образом всегда приветливо дымилась на столе, даже если Айоко намеренно выбирала для визита разное время.

Николя терпеливо отвечал на её вопросы, каждый раз повторяя одно и то же: Брайан ещё не вернулся, однако так будет не всегда.

– Вы знаете, почему я создал эту систему? – внезапно однажды спросил Николая, перебив собственную пространную речь о работе системы считывания настроения клиента.

Айко, пребывавшая всё это время в скуке и «белым шумом» в ушах, встрепенулась.

– Я хотел сохранить свой брак, насытить его событиями и новыми красками. И да, конечно, нам с женой какое-то время это удалось. Но... не знаю, следите ли Вы за новостями, мы развелись. Она ушла от меня.

– Мне очень жаль, – искренне посочувствовала Айко. – Я не знала.

– Но если она от Вас ушла, то... Значит, это была Ваша вина, да? Что Вы сделали?

– Интересная постановка вопроса, – Николай внутренне подобрался и очень осторожно поставил дорогую кофейную чашку из белого фарфора с тонкой золотой линией посередине на стол. – То есть виноват в разрыве всегда кто-то один?

– А разве нет? – осторожно спросила Айко, боясь сделать больно.

– Не скажу за все пары, но если отношения рассматривать как взаимодействие, а это так и есть, то очевидно, что в такой системе одно всегда влияет на другое в обе стороны.

– Ой, да бросьте! Когда муж изменяет жене, то в чём тут вина жены? А? Разве она виновата, что вынужденно терпит это унижение?! Николай, Вы... Вы просто не знаете, о чём говорите! Вы как все...

– Брайан изменял Вам? – участливо поинтересовался Никола, перебив собеседницу.

– Что?! Нет! – крупно вздрогнула она, проливая на свои джинсы чай, благо уже немного остывший. – Никогда! Как Вы могли подумать?! Я не знаю, почему привела именно этот пример.

– Айоко! Осторожнее! – мужчина подал ей свой белоснежный платок и поинтересовался, нужна ли медицинская помощь.

– Нет, нет, всё в порядке, – отмахнулась гостя, бестолково растирая мокрое пятно на штанах. – Как-то глупо вышло...

Тяжёлая пауза.

Айоко вся кипела от негодования: подумать, что Брайан мог ей изменить?! Только не он, никогда! Он не такой! Никола – просто глупый чванливый старик, который...

– Я не мог не заметить на Вас шерсть на одежде: у Вас есть собака или кошка? – миролюбивым тоном спросил хозяин кабинета.

– Собака. Малыш. Мы купили его через год после свадьбы.

– Вы с ним часто гуляете?

– Что за вопросы? – нахмурилась Айоко, всё ещё внутренне возмущаясь глупому и бестактному вопросу Николая о Брайане.

– Простите мою назойливость. Просто хотел узнать, что

Вы делаете, когда Вы не здесь.

– Ничего особенного. Сажу дома с Малышом, готовлю, убираюсь, хожу по магазинам. Хочу в парк, – с нажимом произнесла женщина, вспомнив одну-единственную прогулку там за последние три месяца. – Раньше ездила на пляж, но больше я этого не делаю.

– Почему?

– Это очень долгая и неприятная история. – сморщила нос Айоко.

– А если я угощу Вас нежнейшим крем-брюле? – Николая нажал на кнопку связи с секретарём, лукаво улыбаясь. – Мы тогда сможем договориться, чтобы подсластить эту горькую пилюлю?

– Вы случайно не дипломированный переговорщик? – нервно хихикнула женщина, с силой просовывая сложенные вместе ладони между сведённых колен. – Умеете договориться!

– Должность обязывает, – Николая поднял руки вверх, как бы сдаваясь.

И вот перед Айоко на столе стоит восхитительное крем-брюле и изумительной коричневой корочкой и тремя ягодами малины по центру – красота! – а она не решается ни попробовать его, ни начать рассказ. Хозяин кабинета и всего здания, в котором он находится, подначивает её, подталкивая ближе блестящую металлическую ложку на крахмаленной салфетке.

Было сложно решиться на самую первую пробу. Айоко показалось, что сложнее решения в своей жизни она не принимала, как позволить себе эту малость.

Как только мягкая сладость оказывается во рту гостя, её глаза распахиваются, и в них блестят слёзы. Она прикрывает пальцами рот, словно опасаясь, что десерт пропадёт оттуда, и с детским восторгом смотрит на Николая и кажется даже не мигает, не дышит.

Такое простое счастье, такое незамысловатое, такое до невозможности наивное, и такое важное, сильное.

Барьер сломан.

Айоко не понимает, что произошло, но словно гора свалилась с плеч, она ощутила беспредельное доверие к этому человеку, он захотелось в ответ тоже сделать что-то особенное для него. Но что она может? Разве что испечь что-то самой?..

Ложка за ложкой исчезает десерт, а Айоко рассказывает про однорукого серфенгиста и их встречи с ним.

– Почему Вы не съездили к той женщине?

– Зачем? Ведь возможно, что и дома по тому адресу нет, или женщины. А если это всё не выдумка, то что мне это странное знакомство мне даст?

– Выгода может быть разной. Я думаю, что Вам стоит найти этот дом и поговорить с её хозяйкой. Оставьте мне на всякий случай адрес, чтобы если Вы не придёте завтра, то я смог бы отправить наряд полиции туда.

– Обнадёживает... – с трудом проглотила последнюю ложку Айоко, внезапно представив себе, зачем могут понадобиться люди в форме. – Полиция?

– Я уверен, что до этого не дойдёт, – хохочет Николая и на него такого: открытого и тёплого – невозможно сердиться. Айоко расслабленно хмыкает в ответ.

– Так уверены, что я пойду прямо сегодня?

– А зачем откладывать? Никаких дел же у вас нет.

Айоко соглашается, но больше от желания угодить хорошему человеку. А в том, что Николая хороший, у неё больше нет никаких сомнений.

– Вы слишком тепло одеты, – внезапно говорит Николая. – Сдаётся мне, что день сегодня будет очень жарким.

Они оба поворачивают голову к окну во всю стену и смотрят на серые тучи, заполонившие бескрайнее небо.

– Сомневаюсь. – покачала женщина головой, поднимаясь с кресла. – Утром было так зябко, что я пожалела о решении надеть лишь пиджак, а не парку.

– Посмотрим, – улыбнулся Николая, тоже поднявшись, чтобы проводить гостью до лифта. – Погода любит нас удивлять.

-1.5-

Каким же этот день был жарким.

Айоко казалось, что джинсы из-за пота буквально проникают в её кожу.

– Диффузия, – вспомнилось ей. – Надо было пойти завтра.

Дом по адресу, названному ей незнакомцем, действительно существовал, и, судя по невероятной красоты розам, рассаженным перед крыльцом, тут явно хозяйничала женщина.

Айоко остановилась у низкого белого заборчика и стала осматривать буйство красок, гадая: дома ли хозяйка?

Было видно, как много труда и любви вложено в каждую клумбу и украшение, разбитых по цветовым пятнам. Здесь не было случайностей, каждая мелочь была продумана и воплощена так, что любой перфекционист нашёл бы здесь для себя отраду для глаз.

– Добрый день! – дверь дома открылась, мягко звякнув колокольчиком. – Вы из общества садоводов?

Пожилая миловидная женщина в красивом ярко-вишнёвом хлопковом платье с дружелюбием смотрела на незваную гостью, держа входную дверь открытой. У неё были седые волнистые волосы до плеч, боковые прядки – собраны в маленький хвост на затылке. Небольшие круглые серебряные серёжки-гвоздики, тонкое золотое кольцо на сухих длинных пальцах – вот и все украшения, которые были на хозяйке до-

ма и сада. Она в целом выглядела как иллюстрация того, о какой старости мечтала Айоко.

Айоко помотала головой, с отвращением ощущая, как пряди волос липнут к её шее.

– Заходите! Я угощу Вас лимонадом! Или чаем, что наверно лучше, учитывая сегодняшнюю жару. – Как и предсказывал однорукий серфенгист, пригласила в дом женщина.

Айоко солгала бы, сказав, что сомневается, хочет ли она исчезнуть поскорее из-под пристального взгляда солнца, которое явно пыталось сжечь «человеческую букашку» своими палящими лучами.

Стоило Айоко переступить порог гостеприимного дома, как её окутала спасительная прохлада: наконец-то!

Она представилась радушной хозяйке дома и запнулась на цели своего визита: зачем пришла?

Однако судя по всему пожилой женщине это было неважно. Махнув рукой в сторону небольшой уютной гостиной, она скрылась в дверях кухни. Айоко робко вошла в комнату, обставленную мебелью из дерева с выпуклым растительным орнаментом, с белоснежными ажурными салфетками, явно связанными вручную, бумажными обоями с большими букетами пионов на них, круглом столом, чья поверхность была отполирована до зеркального блеска. Насколько могла судить Айоко, животных или птиц в доме не было. Из единственного, большого окна гостиной был виден раскидистый вяз, пышная листва которого создавала приятный полумрак.

Мерно тикали напольные часы. Тихо, мирно, но очень пусто и очень-очень одиноко.

– Итак, милая, – хозяйка дома вошла и поставила на стол поднос с чашками, бокалами, большим кувшином с домашним лимонадом и небольшим чайником с синими узорами. На двухъярусной подставке красовалось домашнее печенье разных форм.

Как и говорил тот мужчина.

– Меня зовут Элен. Очень приятно познакомиться! Садитесь, пожалуйста, угощайтесь! Чай, лимонад – выбирайте!

Айоко ощущала странное дежа-вю от всего происходящего, хотя была уверена, что раньше здесь никогда не была. Только это доставляло ей некоторое волнение и беспокойство.

– Дело в том, Элен, что... Даже не знаю, как сказать... Мой муж он не вернулся из очередного Перемещения. И тогда я стала ездить...

– Возьмите вот это печенье, дорогая, оно с миндалём: я его только утром испекла! – внезапно прервала Айоко хозяйка дома и, убедившись, что незваная гостья надкусила выпечку, заговорила. Голос у неё был приятный, обволакивающий. – Ох, уж эти мужчины! Не сидится им на месте, верно? Что поделать, такова их природа. Нам же остаётся только ждать их и беречь очаг.

– Вы... Вы сейчас говорите о Вашем муже? – робко предположила Айоко.

– О Гарибальде, разумеется!

– Значит, он так и не вернулся? – прошептала гостья.

– Нет. Пока нет. – мягко улыбнулась Элен. Похоже, что у неё не было никаких тревожных волнений в связи с этим. – Но я жду его. Я жду, когда он вернётся.

– А если не вернётся?

– Конечно, вернётся! – возразила Элен, всплеснув руками, и добавила, как решающий аргумент. – Тут его дом!

Айоко обвела взглядом чудесную уютную комнату, и внезапная догадка, осмысление пришло к ней.

– Вы наверно очень любите этот дом?

– Конечно! Как иначе? И Гарибальд его любит.

– И Вы... В холодильнике наверно полно его любимой еды, да?

– Стейк и картофельное пюре, а ещё пирог с грецким орехом и, конечно, мои фирменные креветки с лимонным соусом. – с гордостью перечислила Элен. – Могу поделиться рецептом этого соуса: он просто восхитителен! Сейчас принесу ручку и бумагу...

С этими словами она вышла из гостиной, продолжая нахваливать своё творение.

Айоко встала и подошла к чистому камину, на котором в идеальном порядке стояли одинаковые рамки с фотографиями. Она уже знала, кого узнает на этих фотографиях, но всё равно не смогла удержаться и прикрыла рот рукой.

– Это он? Гарибальд? – спросила Айоко. Хозяйка дома

подошла к ней, улыбаясь.

– Да, – с гордостью в голосе подтвердила Элен. – Красивый мужчина, верно?

Айоко замерла: разумеется, это был тот самый мужчина без руки, которого они встретили с мужем на пляже!

– А вы искали его? – ошеломлённо пробормотала молодая женщина. В её голове сейчас вразнобой гудели колокола сквозь плотный непроглядный туман. – В смысле, он же может быть где-то совсем близко...

– Но я же знаю, где он, – брови хозяйки дома удивлённо взлетели вверх.

– Знаете?

– Конечно, он всё ещё в Перемещении. – повела мягкими плечами Элен. – Где же ему ещё быть? Так, я сейчас напишу Вам рецепт, но лучше придите как-нибудь, и мы вместе приготовим его: надо чтобы руки запомнили все действия.

Айоко ещё посидела с Элен, обсуждая рецепты и тонкости ухода за цветами, они вежливо похвалили друг друга за успехи выращивании цветов, которые другой были неинтересны. А потом, попрощавшись, Айоко долго бежала вперёд, не разбирая дороги. Словно убегала.

Теперь она точно знала, что муж Элены не вернётся к ней никогда.

Недавняя гостья Элен долго раздумывала, не найти ли Гарибальда на том пляже, попробовав убедить вернуться к жене, однако потом со спокойной душой приняла решение:

смысла в этом нет абсолютно никакого.

Но зачем он попросил найти его жену? Что он хотел показать?

– Даже самый уютный, светлый, комфортный дом не вернёт мужчину, если он не хочет вернуться. Элен живёт своим домом и своими иллюзиями, её муж никогда не вернётся уже и это понятно каждому, но не Элен. Она любит его, но эта любовь делает её слепой и связанной: она не пойдёт за своим мужчиной туда, где он. Она просто будет ждать. – высказала свои соображения на этот счёт Айоко, когда на следующий день прямо с утра пришла к Николаю.

– А Вы? Вы будете ждать? – голос Николая звучал мягко и вкрадчиво.

– Наверно... Наверно, не должна? – Айоко затравленно посмотрела на собеседника.

Она не знала, что ответить. Ей нужно было всё обдумать.

– Холодно сегодня, – повёл плечами Николай. – А около моего дома вдруг вырос небольшой куст белой гортензии. Ума не приложу, как он там очутился. Садовник разводит руками, хотел убрать его, но я не дал. Удивительно красивый цветок. Надеюсь, что не испугается холода.

– Если не будет мороза, то он выстоит, – Айоко с отрешённым видом поднялась на ноги, стала натягивать на себя пиджак и не сразу попала в нужный рукав. Николай помог ей, галантно подержав вещь на весу. – Это хороший цветок.

-1.6-

Был холодный дождливый день, когда Николая рассказал ей, что тело Брайана перестало появляться в этом мире, оно просто сразу же проскальзывает в очередную жизнь.

– Я хочу быть здесь, в центре, – озвучила своё желание Айоко.

– Это невозможно, – покачал головой тот. – Тут работают только профессионалы, учёные. Вы не обладаете нужными знаниями, Вы же кондитер, насколько мне известно. И просто отличный! – он с восхищением посмотрел на небольшой, искусно украшенный цветами гортензии из мастики торт в подарочной упаковке, который Айоко принесла ему в тот день.

Молодая женщина поняла: в центр управления её не допустят, тут Николай будет твёрд как скала.

– Я выучусь, – уверенно заявила Айоко. – И в следующий раз я приду сюда со всеми бумагами, которые подтверждают это.

– Я в Вас не сомневаюсь, – Николай теперь понял, зачем был принесён столь роскошный торт. – Я так понимаю, что Вы и без моей новости решили попроситься в корпорацию. Это будет даже хорошо, если Вы займётесь учёбой. Дело в том, что я вынужден уехать месяца на два или три, точнее пока сказать не могу. Однако, как только я вернусь, буду ждать

Вас на этом самом месте.

Айоко сдержала слово. Желание овладеть наукой было так сильно, что за три месяца она смогла получить необходимые сертификаты, подтверждавшие достаточные знания для присутствия в корпорации перемещение. Никаких открытий от неё не требовалось, ей нужно было разговаривать с этими людьми на одном языке, и она этого добилась.

– Вы – настойчивая, – улыбнулся Николая, приветствуя Айоко на её новом месте работы в первый день. – Вы уверены, что хотите этим заняться?

– Я хочу вернуть мужа. Я Вам уже говорила.

– А что если это не ему надо вернуться?

Она не удостоила его ответом на этот вопрос, посчитав, что Николая оговорился от усталости.

– Покажите мне центр управления. – решительно потребовала Айоко, хотя вид главы корпорации и без этого не был похож на тот, с которым обычно готовы отказать.

У Николая не было причин не выполнить её просьбу.

На седьмом этаже располагалось техническое сердце корпорации, где для наблюдения за циклами перерождения Брайана было выделено отдельное место. Айоко заявила права на него и отныне её официальной работой будет сидение за мониторами.

Наблюдая за графиками и разными показателями, свидетельствующими о потрясениях – хороших или плохих – в очередной жизни мужа, ей было наглядно показано, как

Брайан словно одержимый умирает снова и снова, чтобы возродиться где-то ещё. Никто из его предшественников не делал так.

Яркая вспышка на графике продолжительности жизни и последующее обнуление всех цифр красноречиво свидетельствовало об одном: конец. Но тут же всё начиналось заново, и Айоко могла только гадать, что значит тот или иной всплеск на шкале эмоций: ему хорошо или плохо, он испуган или счастлив?.. Полная неопределённость, но она была согласна и на это.

Вместе с тем она стала замечать, что и волнения её становились словно упакованными и поставленными на нижнюю полку из-за того, что фокус её внимания теперь сместился на светящиеся линии и цифры.

И так могло продолжаться очень долго.

-1.7-

– Всё же я тебя не понимаю, – Кристина, лучшая подруга Айоко, подобрала под себя ноги и накинула на них тяжёлый плед. Они сидели на заднем дворе дома Айоко и пили какао. – Зачем тебе это всё нужно? Зачем? Он ушёл, Айоко, оставь это. Живи дальше! Это тот же развод. Ты же знаешь, что я могу добиться в суде признания его умершим.

– Он не умер, – тихо откликнулась Айоко, тихонько разглаживая ярко-оранжевый лист прохладными пальцами из-под слишком длинных рукавов свитера. Свитера Брайана.

– Безвестно отсутствующим, – упорно гнула свою линию Кристина. – Айоко, мы все волнуемся за тебя. Тебе нужно жить дальше, понимаешь? А ты целыми днями только и делаешь, что сидишь и пялишься в монитор, ожидая очередную вспышку, означавшую очередную смерть очередного воплощения Брайана.

Айоко молчала. Ей нечего было ответить подруге. Всё так.

– Ты кстати знаешь о том, что ваша с ним история всколыхнула общественность? Уже собрали достаточно подписей, чтобы закрыть Перемещение. Люди посчитали, что им будет достаточно карнавалов, психологов и ролевых игр. – Кристина играла с ушами Малыша, а тот, довольный, вилял хвостом.

– Да, знаю. Николая рассказал.

– И как ты к этому относишься?

– Я против. Потому что как только отключат систему, Брайан не сможет вернуться сюда...

– Опять ты о своём! – цокнула языком Кристина, а потом, резко сменив тон, спросила, накручивая локон на палец. – А этот Николя – он хорош собой?

– Да, для своего возраста он чудесно выглядит.

– Они ведь с женой развелись, да?

Айоко кивнула.

– Подумать только, создать для неё всю эту сложную систему и в результате всё равно развестись. Не понимаю.

– Это отношения, Кристина, если оба перестают видеть в них ценность и стремиться к тому, чтобы развить их, то всё не имеет смысла. С плодами технического прогресса или без. И... – она улыбнулась, – отношения – это всегда взаимодействие.

– Взаимодействие – конечно! – томным голосом произнесла Кристина и весьма красноречиво выгнула вперёд упругую грудь. Подруги приснули от смеха. – Может тебе закрутить роман с этим Николя? Он же теперь свободен... – предприняла новую попытку она, отсмеявшись.

Айоко выразительно посмотрела на подругу и, умоляюще надломив брови, поджала губы.

Через забор Айоко окликнули, а затем поверху пролетела метла.

– Словила? – поинтересовался приятный мужской го-

лос. – Не зашиб?

– Да, Том, всё хорошо! – откликнулась Айоко. – В следующий раз не кидай, пожалуйста.

– Это твой сосед? – опешила Кристина, не отводя томного взгляда от высокого атлетически сложенного соседа подруги, который был виден через редкий забор. – И ты всё ещё скучаешь по Брайану? У него даже животик намечался, а здесь... Ох, Айоко, ты явно не в себе!

Айоко посмотрела вслед удаляющемуся Тому и поняла, что всё время гнала от себя мысли о...

Но нет! Нет! Никогда! Никогда она не посмеет изменить своему мужу!

Хотя измена ли это? Брайан в других мирах в своих бесконечных жизнях вряд ли живёт монашеской жизнью.

– В общем так, подруга. Бог существует, и он явно тебя любит. Ты только посмотри на этого красавца! И судя по взглядам, которые он бросает на тебя, и этим милым неловким взмахам руками, чтобы привлечь твоё внимание: стоит тебе проявить минимум инициативы, и вы будете жить долго и счастливо!

– Так это не работает, – вздохнула Айоко.

– Зануда! – сдалась Кристина и засобиралась уходить. – Но подумай вот о чём: так ли сильно ты любишь Брайана или просто привыкла считать себя замужней мученицей?

Слова подруги задели Айоко за живое. Все выходные она провела, переживая дилемму, озвученную подругой, однако

звонок Николая встряхнул её.

-1.8-

Николя встретил её у входа в здание, и они тут же поднялись к центру управления.

– Что такое, Николя? Что вы мне хотите показать? – то и дело спрашивала она, но создатель Перемещения лишь отмахивался, нервно хмуря брови и напуская тем самым на себя самый решительный вид.

– Вот, посмотрите сами и скажите, что видите, – предложил он, усадив её перед одним из мониторов системы. – Мы сворачиваем систему и..

– Да я слышала, мне очень жаль, – откликнулась Айоко.

– Пустяки! Приятно это слышать от вас слова сочувствия, но это не конец моей жизни. – хмыкнул Николя. – Так, что вы видите? Вот здесь, – и он нетерпеливо ткнул пальцем в один из графиков.

Айоко достала из нагрудного кармана мужской рубашки, надетой поверх белой футболки, очки и уверенным движением надела их. С некоторых пор её зрение упало. Конечно, его можно было исправить, но она ждала Брайана, чтобы сделать это.

– Так, – протянула она. – Это... это же данные о перемещениях Брайана.

– Всё, верно, смотрите дальше!

Айоко взгляделась.

– О нет! – она закрыла рот руками. Её сердце, казалось, сделало неудачное сальто назад, а потом сорвалось вниз. – Что? Что это значит?

– Перемещений больше нет... Я боюсь, что...

– Что? – глухо спросила Айоко, сжав свои плечи.

– Что Брайан мёртв, Айоко. – Тёплая ладонь Николя накрыла ледяные пальцы молодой женщины. – По-настоящему мёртв. Мне очень жаль.

Он сделал знак коллегам, которые стояли недалеко от них, разгоняя, пока Айоко ошарашенно смотрела на беспощадные данные монитора и тяжело дышала через широко открытый рот.

Николя с неподдельным сочувствием смотрел на неё, но в то же время то, как он был напряжён и с трудом сдерживал какие-то слова, которые так и просились наружу, создавало обратное впечатление.

– Нет, нет, это не так! Я чувствую это! – Айоко вдруг вскочила на ноги. – Вы врётё! Ваша система врёт! Он жив!

– Мне очень жаль, – мягким голосом твёрдо произнёс Николя, внезапно приняв упрямый, даже суровый вид.

– Но что-то же можно сделать! Можно! Сделайте что-нибудь!

– Айоко... Поверьте...

– Нет! Нет! Вы... вы... – женщина судорожно соображала. – Вы всё это придумали! Вы специально всё это подстроили, чтобы было проще закрыть корпорацию! Я пойду в пра-

возащиту! Я...

Здание мелко затряслось. Люди в страхе схватились кто за друг друга, кто за столы.

– Айоко! – воскликнул Николая и резко рванул её к себе, крепко прижал. – Пожалуйста, успокойтесь! Мы... Мы что-нибудь придумаем!

Землетрясение между тем набирало обороты. Николая вынужден был упасть на колени, нависнув над сторбленной женщиной, чтобы защитить её.

– Айоко! Прошу Вас!

– Он жив! Жив! Брайан не может умереть! – женский крик был таким громким, что его было слышно даже через гул и грохот. – Жив!

– Айоко! – Николая в отчаянии огляделся и сжал её плечи сильнее. – Хорошо... – словно сдаваясь, выдохнул он. – Хорошо... – он наклонился к самому уху женщины. – Он жив! Брайан жив!

Она подняла заплаканное бледное лицо и намертво вцепилась в предплечья Николая.

– Это правда? Правда?

– Да! – перекрикивая шум, подтвердил тот. – Жив!

Землетрясение стало утихать.

Лицо Николая исказилось гримасой сожаления и досады, он рвано провёл сдвинутой от ударов стекла и кусочков бетона рукой по запылённым волосам молодой женщины.

– Зачем Вы соврали мне? Зачем сказали, что он мёртв?

– Я не соврал, – тяжело вздохнул Николая, выпуская из рук Айоко, и обхватывая свои колени. – Всё зашло слишком далеко. Это бесполезно.

– Что? Что бесполезно?

– Ничего, – устало покачал головой Николая. – Всё в порядке? – окрикнул он коллег. Получив подтверждение, что все целы, он обратил внимание на Айоко, смерив её долгим изучающим взглядом. – Айоко, помните в самую первую нашу встречу я сказал, что система реагирует на настроение клиента и выдаёт именно то, что он хочет? Ваш страх был преобразован в желание, поэтому все Ваши жизни были так мучительны и болезненны.

– Конечно, я помню. Мне было сложно это признать, но после того, как я стала работать здесь, это стало логичным. Глупо отрицать очевидное.

– Хорошо, – Николая сжал собственное запястье до побелевшей кожи. – У Вас сейчас два выхода: или довериться мне и принять за истину всё, что я скажу, или... Или через очередное Перемещение найти Брайана в предыдущей жизни до того, как он исчез с мониторов. Возможно, что тогда система и Ваше желание вновь притянет его в этот мир.

– Вы можете отправить меня на одну жизнь раньше его смерти? – глаза Айоко загорелись надеждой и радостью.

– Могу, но так как мы закрываем систему...

– Вы мне должны, Николая! – с угрозой в голосе перебила она его. – И хотите или нет, но Вы мне поможете!

– Конечно, – сдался Николая. – Желание клиента – закон. Я впишу вас в группу тех, у кого намечено последнее перемещение перед тем, как систему полностью закроют. Но если что-то пойдёт не так, то Вы больше никогда не вернётесь сюда.

Айоко помолчала.

– Николая, а вы знаете, что в рамках физики нет такого понятия, как никогда?

Николя ласково посмотрел на неё.

– Айоко, через три дня будет последняя партия перемещенцев, и всё, я отключу систему навсегда. Вы понимаете? Навсегда. Даже если в рамках физики – это тоже понятие относительное. У вас будет только 1 шанс отправиться на поиски Брайна. И один шанс из бесконечности, что вы его найдёте. Понимаете? Один.

– Почему вы так часто спрашиваете людей, понимают ли они то, о чём Вы говорите? – отрешенно спросила Айоко.

– Потому что как показывает время, люди меня не понимают, – улыбнулся Николая и на пару мгновений мягко накрыл её руку своей ладонью. – Не смею Вас задерживать. Три дня. Если Вы не придёте сюда я пятницу в 15 часов дня, то я буду спокоен, так как буду знать, что Вы решили жить дальше, что Вы приняли ситуацию такой, какая она есть, что Вы отпустили его. И... И тогда, я надеюсь, Вы доверитесь мне.

– Николая. Вы ведь развелись с женой, верно?

Он кивнул.

– Вы всё это, – она головой делала полукруг, намекая на здание вокруг себя, – сделали ради любви к ней?

Николя сцепил кончики пальцев и задумался.

– Думаю, что да. Но это было уже так давно, что теперь я испытываю иные чувства.

– Я понимаю. Но я сейчас – это Вы 10 лет назад, и я сделаю всё, чтобы быть с мужем. Возможно, что через 10 лет или раньше я пойму, что совершила ошибку, но сейчас я уверена в том, что это единственный вариант для меня.

Николя с жалостью посмотрел на неё.

– Всего хорошего, Айоко! Я буду отсутствовать всё это время. Очень надеюсь не увидеть Вас в пятницу. Даже осмелюсь пригласить Вас в кафе в субботу.

Вернувшись домой, после некоторых терзаний Айоко позвонила матери Брайна и назначила встречу.

Мать Брайна – Келли – очаровательна и добра. Айоко всегда её любила, как и всю свою жизнь, каждую её составляющую.

Невестка рассказала всё матери мужа и сама удивилась тому, насколько ей было нужно выговориться до конца.

Келли слушала внимательно, а потом расплакалась.

– Келли, ну что Вы? – Айоко растерялась и подседа вплотную к женщине, взяла её за дрожащие руки.

– Мой сын... Сыночек... – Келли плакала и никак не могла озвучить мучившую её новую реальность. – Мой сын мёртв! Мёёёртв!

Она произнесла последнюю фразу на высокой ноте, и это больно резануло слух Айоко.

– Мой бедный мальчик! Мой сыночек! – Келли тряслась от беззвучных рыданий.

– Келли, ну что Вы? – Айоко гладила пожилую женщину по ходящим ходуном плечам и никак не могла понять, что происходит. – С чего вы так решили?

Келли подняла голову и, всё ещё всхлипывая, проговорила:

– Так ты сказала, что этот сигнал больше не загорается, значит...

– Это ничего толком не значит, – нахмурилась Айоко, сердясь на то, что Келли не смогла её понять. – Как Вы не понимаете? Он все ещё может быть жив! Давайте я вам объясню ещё раз...

После того, как Айоко ещё раз поведала о пятнице, Келли крепко обняла её.

– Айоко, дочка, вот, что я тебе скажу. Я всегда говорила, что моему сыну несказанно повезло с тобой и что он не заслужил такую чудесную женщину, как ты. Это ты – удивительная и уникальная, а не мой лоботряс. Я люблю своего сына, и всё же вынуждена признать, что он не заслуживает твоей любви. Послушай меня. Не ходи туда. Остайся здесь. Со мной. Выйди снова замуж. Не сейчас, – Келли мягко сжала руку запротестовавшей было Айоко, – но со временем боль утихнет, поверь мне. После всего, что ты мне рассказала и

если я правильно тебя поняла, то мой сын... мой сын мёртв и мне надо научиться жить с этой мыслью.

– Но в том-то и дело, что он может быть жив! – горячо воскликнула Айоко.

Келли подняла руку, прося тишины.

– Детка, он умер. Мне... Нам, – с нажимом произнесла Келли, – нужно время для осознания и принятия этого факта, именно поэтому мы так нужны друг другу сейчас, понимаешь. Не бросай меня, пожалуйста!

Они обе разревелись от боли: одна – от утраты, другая – от необходимости принять решение.

Прощаясь, Келли обняла невестку за плечи и поцеловала её в лоб.

– Не ходи туда, – повторила она. – Мы нужны друг другу. Не надо.

Не дожидаясь ответа, женщина села в такси и уехала.

Весь следующий день Айоко провела, лёжа на диване. Малыш скулил, требуя внимания, но его хозяйка не могла найти в себе сил, чтобы выйти с ним гулять. Благо в двери был отдельный выход для него, но разве это заменит прогулку с хозяйкой?..

На удачу к ней зашёл Том, которому понадобился сахар. Дверь Айоко не закрывала, поэтому он беспрепятственно вошёл в дом, предварительно постучавшись. Малыш закрутился у него в ногах, норовя облизать ему руки.

Увидев свою соседку в столь угнетённом состоянии, он не

стал ничего спрашивать, а просто сел рядом с диваном, принялся гладить пса и кидать ему принесённые тем игрушки.

Это позволило Айоко выйти из своего состояния душевной «комы» и обратить внимание на гостя.

Кристина была права: он действительно был невероятно хорош собой, добр, в меру весел, приветлив. С ним было спокойно.

С фразы «Чем тебе помочь?» начался их неторопливый разговор.

Чуть позже ему удалось уговорить Айоко завтра пойти с ним в кафе.

Сама не зная почему, она согласилась. Надела платье и убрала волосы в хвост на затылке.

Том буквально расцвёл, увидев её на пороге дома. Было видно, как он волнуется, желая произвести на неё хорошее впечатление. Айоко это ценила, но не могла ответить ни граммом больше той симпатии, что и прежде.

И дело было даже не в каком-то особом магнетизме Брайана или лихой влюблённости супругов, не в упрямстве Айоко или недостаточной привлекательности Тома. Нет. Пока им несли кофе она, отвлечённо слушая рассказ Тома о его полёте на ракете, вдруг поняла, что для неё Брайан всегда был жив, она всегда ощущала его незримое присутствие – в этом ли или других мирах при Перемещении.

Когда Том провожал её, то нагнулся к ней, ожидая поцелуй. Его дыхание – мягкое, тёплое, настоящее – дразнило

женские приоткрытые губы. Она понимала: небольшое движение навстречу и всё изменится. Изменится навсегда для неё и для всех.

Выбор за ней...

Прощавшись с Томом, она присела на корточки и стала трепать подбежавшего Малыша.

И тут же какая-то смелая и очень дерзкая мысль закрутилась на краю её сознания. Она была такой яркой и честной, что Айоко не решилась сформулировать её до конца, лишь повиноваться.

– Вы уверены? – повторно спросил её представитель приюта для животных, куда она приехала тем же вечером.

– Да, больше нет смысла его мучить. Ему будет лучше в новой семье. – глухо откликнулась Айоко, испытывая чувство вины за своё решение. Она на прощание обняла пса и звонко поцеловала его в мокрый нос. – Прощай, Малыш! Прости меня, пожалуйста! Ты заслуживаешь всей любви в этом мире, а мы были слишком большими эгоистами, чтобы любить кого-то в полной мере.

Малыш скулил и рвался к ней, не желая оставаться с добрыми, но такими чужими людьми.

Айоко ушла.

На следующее утро настала очередь прощаться с домом навсегда. Своим любимым домом. Сейчас она смотрела на него, пыталась надышаться им, запомнить каждую его деталь, понимая, что это глупо. Сюда она уже никогда больше

не вернётся. И никогда не повторит. Всю свою следующую жизнь она будет искать это место, пытаться воссоздать его, и скорей всего потерпит поражение.

Она ушла, не закрыв за собой дверь.

-1.9-

Николя покачал головой, увидев её.

– Вы всё же пришли?

– А вы ждали, признайтесь, – бойко подначила Айоко встретившего её Николая. – У меня есть просьба.

– Кроме этой? – заговорщицки подмигнул ей глава Корпорации.

– Возьмите из приюта для животных нашу собаку – Малыша. Он чудесный пёс и ему нужен кто-то, кто уделит ему много внимания.

Николя не смог пообещать, но сказал, что попробует кого-то найти для собаки.

– И ещё... – Айоко глубоко вдохнула, переступив порог лифта. – У меня есть вопрос.

– Всего один? – улыбнулся Николай, он нажал на кнопку. – Слушаю.

– Всё дело во мне, верно?

Николя замер в ожидании. Его лицо внезапно озарилось радостью.

– Всё дело всегда было во мне, да? В моих мыслях и желаниях? Это я держу его в живых. Это из-за меня он не мог остановиться. Он искал меня во всех мирах. И тот сбой в первый раз был из-за меня, из-за моего скрытого желания изменить что-то в своей жизни. Я уже тогда так сердилась на

мужа, но не хотела признаваться себе в этих разрушительных мыслях, что желала ему смерти. Но я поняла это слишком поздно. Знай я это тогда, я бы шла на Перемещение с радостью, тогда и наша с ним жизнь в тех мирах была другой. Я неосознанно выбирала путь страданий в каждом из миров, наказывая его и себя, мучаясь вопросами выбора жизни. А всё просто. Вселенная может дать мне то, что я хочу.

Никогда ещё Айоко не видела столь стремительной и столь разительной перемены в выражении лица, как тогда у Николая. Словно у актёра в старых чёрно-белых фильмах его мимика была слишком выразительной и поэтому такой пугающей: радостный огонь в глазах сменился потрясением и злостью, уголки губ дрогнули и превратили широкую улыбку в оскал, расслабленные черты лица хищно заострились. Атмосфера в лифте сгустилась и впервые за всё время знакомства с главой Перемещения молодой женщине стало страшно наедине с ним. Неосознанно она запахнула лёгкую куртку на груди и сделала шаг назад. Пугающее молчание Николая, прерываемое только лёгким гулом подъёмного механизма и тяжёлым дыханием мужчины, прекратилось внезапно.

– Мне нечего добавить к вашим словам, Айоко, – плечи Николая опали. Он устало провёл по лицу. – Если бы Ваш выбор и выбор Брайана был иным, всё сложилось бы иначе. Мне ужасно жаль, что мне не удалось Вам помочь. Вам обоим.

– Не говорите так, Николая! – ободряюще улыбнулась ему

Айоко, стряхивая с себя недавний страх перед этим человеком: двери лифта открылись. – Вы очень помогли.

Глава корпорации помотал головы, поджав губы.

– Вот Ваш талон, – он протянул ей пластиковую карту, после чего скрестил руки на груди. – Вставайте в очередь.

– Много народу, не ожидала, – призналась Айоко, окинув взглядом вереницу людей.

– До последнего клиента, Айоко, – глухо откликнулся Николай, стеклянным взглядом окидывая очередь. – Простите, но я оставлю Вас. Дела.

Кисти его рук немного подрагивают, кровь словно отхлынула от его лица.

– Николай? С Вами всё хорошо?

– Да, да, просто время истекает. – Николай сделал шаг назад. – Всего хорошего Вам, Айоко!

И не дав клиентке опомниться, стремительно двинулся прочь.

Впервые в жизни Айоко чувствует будоражащую радость от скорого Перемещения. Всё будет хорошо, она уверена в этом. Кулона на её шее больше нет. Потерялся где-то. Она вспоминает о нём только сейчас, удивляется и волнуется: важно ли это? Что это может значить?

Её очередь уже близко. Она немного дрожит от волнения, но идёт в очереди медленно, неумолимо. И всё её теперь кажется правильным! Пропуск у работника корпорации, он разрешает ей идти дальше.

Вот и портал: мягкий светящийся голубым светом овал. Впервые, кажется, они рады друг другу. Айоко делает шаг и погружается к его обволакивающую негу. Внезапно чьи-то сильные руки обхватывают её сзади за талию и тащат обратно.

Айоко закричала от страха и неприятных ощущений: портал тянул вперёд, а кто-то – назад.

– Николая, пустите меня! – закричала она и, пытаясь расцепить хватку, стала стучать по кистям рук.

Победила решимость того, кто тянул к себе молодую женщину.

Она в гневе обернулась и увидела Брайана. Это был точно он! Хоть и осунувшийся, измождённый, будто старше, с сединой в волосах и странно горящим взглядом.

– Айоко! – он обхватил её лицо руками и принялся целовать: отчаянно, страстно. – Любимая моя! Крошка!

– Стой, стой, – женские руки упёрлись в грудь Брайана. – Этого не может быть... Ты? Ты правда Брайан?

– Это я! Я! Я так рад тебя видеть! Мне столько надо тебе рассказать!

– Брайан... Это ты? Правда ты? Но как?! – Айоко недоверчиво нахмурилась. – Ты... Ты появился, чтобы снова войти в портал, да? Я как раз шла тебя искать...

– Нет, нет, крошка! – Брайан мял её пальцы и прижимал к своим губам. – Я здесь, здесь. Нам нужно идти. Вместе! Домой! Давай вернёмся домой!

– Ты такой странный, Брайан. Это ты и словно не ты, – женщина осторожно коснулась впалой щеки мужа. – Это так перемещения на тебя повлияли?

Брайан мотнул головой.

– Айоко, милая моя, крошка, нам нужно идти. Давай... Давай пойдём домой. Я тебе всё объясню.

– Мне кажется, я знаю, что происходит. Ты... Все предыдущие разы ты рождался мужчиной, а потом родился женщиной, да? И так ты смог понять меня, верно? Понять мои чувства к тебе!

Мужчина замер и тяжёлым взглядом оглядел жену.

– Айоко... Ты... Кхм... Да, да так и было. Да. И теперь я больше никогда не уйду. Я всегда буду рядом. А теперь пойдём со мной! Мы обо всём поговорим!

– Нет. Как была бы я рада слушать это раньше, но теперь. Ты не будешь счастлив там, в нашем доме. В этом мире. Мы должны уйти. Вместе.

– Вместе? – Брайан испуганно взглянул на мерцающий портал. – Айоко, дай мне шанс. Просто поверь мне, пожалуйста. Нам всего лишь надо найти парк развлечений...

– О чём ты говоришь, Брайан? – нахмурилась Айоко и попыталась отодвинуться от него, подозревая, что муж мог тронуться умом от всех этих жизней. – Причём тут парк развлечений?

– Крошка, этот мир... Он... Он не наст...

– Ты идёшь со мной? – резко перебила его жена, а по полу

прокатилась небольшая вибрация. – Портал долго не будет открыт.

Брайан нервно сжал её хрупкие плечи, он дышал рвано, заполошно. Его взгляд, устремлённый на голубой овал, зависший над полом, стал загнанным, как у раненной лисицы.

– Хорошо, – уронив голову на грудь, сдался он. – Хорошо, Айоко. Давай сделаем это. Вместе.

С этими словами он крепко перехватил кисть супруги и судорожно выдохнул.

– Почему ты так волнуешься, милый? – прильнула к нему Айоко. – Ты же столько раз это делал?

Ответа она не услышала.

Взявшись за руки, они шагнули в портал...

Дневной свет был тусклым и мутным, однако Брайан не включал искусственное освещение, предпочитая находиться в некоем небытии.

В дверь постучались, и мужчина устало откинулся на спинку стула, поворачивая голову в сторону входящего.

Николя поднял уголки губ вверх и глазами указал на 2 чашки кофейного напитка в своих руках.

Брайан с тяжёлым вздохом из-за протеста затёкших мышц поднялся с места и взял одну чашку себе, кивнув с благодарностью.

Молча, они присели около больничной койки, на которой лежала молодая женщина, опутанная датчиками и системой искусственного дыхания. Вокруг койки в воздухе парили роботы-датчики, следящие за состоянием погружённой в кому пациентки.

– Поверить не могу, – хмыкнул в кружку Брайан, не глядя на собеседника.

– До последнего клиента, – пожал плечами Николя.

В огромном здании, некогда принадлежавшем корпорации Перемещение, теперь осталось лишь не больше десятка сотрудников, включая главу.

После решения суда по иску Брайана против Перемещения из-за состояния, в котором находилась его жена, корпо-

рация обанкротилась. Новые клиенты, даже готовые написать отказ от претензий, не принимались. Николая сдался.

Сейчас, сидя с Брайаном практически бок о бок, он вспомнил, как полгода назад этот человек был готов убить его. Однако время идёт, всё меняется, они можно сказать почти друзья.

Каждый день муж Айоко приходит сюда, сидит рядом с женой, разговаривает, смотрит с бесчувственным телом фильмы, читает ей новости и анекдоты в надежде, что разум женщины найдёт выход из лабиринта собственного ада. Но в последнее время он всё больше стал молчать.

Николая помнит тот осенний день, когда Брайан открылся ему. Впервые с момента их первого разговора о невероятном сбое, непостижимой ситуации, которую невозможно было предугадать. Такого не было ещё никогда.

Айоко добровольно застряла в своих мирах, создавая снова и снова новые версии себя и миров собственных страданий. Ни одна система, ни одно лекарство не могло её вывести из этой странной комы.

Глава корпорации также не мог дать гарантий, что женщина очнётся хотя бы с минимально повреждённым сознанием. Неоднократно поднимался вопрос об отключении Айоко от систем жизнеобеспечения. По сути она превратилась в овощ, чьи мышцы и органы поддерживались только с помощью уникальных разработок корпорации.

Брайан не соглашался.

Николя никак не мог понять и принять это решение. Снова и снова он приводил аргументы и даже цитировал учёных и духовных лидеров. Женщину нужно отпустить.

Однако по той же самой причине, по которой Айоко застряла в созданной ею Вселенной с миллионами параллельных миров, её муж отказывался отключать жизнеобеспечение.

Чувство вины.

Оно связывало и разъедало их обоих до костей, дотягиваясь до атомов их тел, до минимальных электрических импульсов между нейронами.

Николя никогда бы не решился не то что на вторжение в разум Айоко, а даже на одно такое предложение, не узнав их семейной драмы.

Они действительно пришли в Перемещение, чтобы встряхнуть их отношения. Процедура была опробована и выверена до мелочей, она не давала сбоев. Ни один клиент не уходил недовольным. И ни один клиент не оказывался в коме после очередного сеанса.

Ни Николя, ни сотрудники корпорации не могли дать этому резонансному случаю объяснение. После того, как Брайан благополучно завершил свой сеанс – то есть прожил выдуманную жизнь в выдуманном мире – он узнал о состоянии Айоко.

Самым простым решением тогда и всё ещё казалось отключение её от системы. Однако Брайан был упрям. Он сна-

чала запретил это делать, а потом и вовсе поднял шумиху в обществе, подав иск на корпорацию Перемещение. Выиграл. Айоко признали имеющей право на надежду, нельзя было её отключать до разрешения Брайана, которое мужчина не был намерен давать ни в коем случае.

Николя никак не мог разгадать этот странный лихорадочный блеск в его глазах и неуместную резкость в обращении уже после суда. Словно мужчина спорил сам с собой, обрубая собственные мысли о поражении.

Тогда глава корпорации и начал приходить в палату, внутренне подбираясь каждый раз, ожидая вспышки агрессии от бывшего клиента. Мало-помалу мужчины нашли общий язык. Брайан был настолько одинок в своём решении, в которое не верил он сам – это стало очень заметно в последние дни – и поэтому остро нуждался в человеческом общении.

Ему было сложно решиться на откровенность, и всё же он пересилил себя, смирившись и уже ожидая визита Николя каждый день.

– Вы же знаете, почему мы пришли сюда. – унылым голосом начал Брайан, сжав в руках чашку с чаем. Николя кивнул. – Дело в том, что... Айоко... Она изменила мне с нашим соседом, пока я был на очередном сеансе. Это было всего единожды, и я понимаю... Теперь понимаю, что она отчаялась. Я снова пошёл сюда, без неё, и был тут долго. Я хотел... Хотел, как и все, избежать проблем и разговоров о нас, наших отношениях, ребёнке. Она так хотела малыша... Я хо-

тел оставаться в том моменте, хотел, чтобы было всегда хорошо и просто. И я сбежал.

– Вы злились, когда узнали?

– Сначала – нет. Я был в шоке, потому что всё осложнилось ещё больше, а я хотел прежней простоты и лёгкости между нами. Она сама призналась. Очень много плакала, царапая свои руки и дрожа всем телом. Словно не могла поверить в то, что она сделала. Мне было невыносимо видеть её такой. Но ещё сложнее было принять, что её касался другой мужчина, трогал и заставлял стонать. Сейчас я понимаю: я был не вправе ругать свою жену. Я отвергал её снова и снова, не физически, но мысленно. Уже позже гнев накрыл меня. Накричал на неё, чуть не ударил, ушёл из дома, не в силах находиться рядом с ней. Даже дышать одним воздухом с ней мне было противно. «Убирайся к своему любовнику!» – заорал я тогда, хлопая дверью. Айоко всё плакала и плакала, согласно качая головой, она шептала извинения и постоянно повторяла, как она виновата. Я не придавал этому значения. Два дня меня не было дома. Когда же я вернулся, приняв решение развестись, то она уже была в Перемещении. И уже она сбежала от меня...

– Брайан, система сочла её состояние на волнение перед сеансом и поэтому пропустила. Наша проверка всегда на высшем уровне. При наличии диагноза психического заболевания – нами выявленного или поставленного давно – мы не допускаем человека к сеансу. Но и представить себе не

могли, что чувство вины и острое желание всё забыть, могут быть настолько сильны и приведут к намерению клиента, простите, Айоко, – исправился Николя, увидев метнувшийся на него острый взгляд, – остаться в своих грёзах навсегда.

– Она вернётся. Она не навсегда ушла от меня, – упрямо поджал губы муж Айоко.

– Возможно, Брайан, возможно, вернётся, – безжалостно, мягким тоном поправил его Николя. – И мы по-прежнему не можем ручаться за сохранность её разума. Вы готовы принять её, если до конца своих дней она будет безумна? Или вы ждёте её возвращения, чтобы развестись? Вы можете это сделать сейчас, суд расторгнет ваш брак, учитывая её состояние и наш прогноз. Я выступлю свидетелем и скажу всю правду, которую излагаю сейчас Вам.

– И вы отключите её, да?

– Да, Брайан. Это будет правильно. Милосердно.

– Нет, – муж клиентки выпрямился, хрустя затёкшей спиной, – нет, она должна жить. Она должна вернуться.

– А что потом, Брайан? У Вас есть ответ на этот вопрос? Советую Вам подумать хорошенько и быть максимально честным сам с собой. Прощение вы можете попросить прямо сейчас, и самое главное – простить себя!

– Мне... – Брайан гулко сглотнул, так и не притрагиваясь к кофе, чтобы смочить горло. – Мне...

– Вам нужно отпустить её, Брайан. Да, Вы любите свою жену, однако справитесь ли Вы с последствиями столь за-

тяжной комы? Готовы ли Вы? И дело тут даже не в медицинском уходе. Ваше чувство вины так и будет держать вас обоих в заложниках недосказанности и напряжения, пока один из вас не умрёт наконец. Но самое печальное в том, что второй ненадолго переживёт его, всё также мучаясь невозможностью справиться с ошибкой другого. Кто бы ни был первым, второй уйдёт вслед за ним, но не из-за любви, но из-за...

– Николя, – голос Брайана прозвучал резко. – Я Вас понял.

Глава Перемещения поднялся и поправил пиджак.

– Вы знаете, что я прав. До завтра!

Одна часть Брайана не хотела, чтобы Николя приходил снова, другая – была готова умолять его остаться прямо сейчас.

Чувство вины... Да что Николя знает о нём?! Простить и отпустить? Но... как это возможно? Несмотря на измену Айоко – тут Брайана неконтролируемо сжал кулаки с содранными костяшками: последствием драки с горе-любовником, встреченным на улице, – он не может, не хочет, не представляет, как перестать винить самого себя в этом. Конечно, он не физически толкал жену в объятия другого мужчины, который воспользовался моментом, однако собственные измены, методичное игнорирование просьб жены поговорить с ней, открыться, мелочное желание оставить всё, как есть, довольствуясь нынешним положением дел и игнорируя неиз-

бежные перемены в них обоих, эгоистичное решение лишь наслаждаться моментом, убегая от неприятностей и негативных мыслей, послужили тем самым огнём, что поджёг бикфордов шнур.

Он это знал. Понял. Принял.

Отключить жену от системы жизнеобеспечения было действительно самым простым и логичным, ведь, чего греха таить, он и сам хотел убить её тогда. А сейчас он не может на это решиться. Просто не может.

Брайан подошёл к койке, присел на краешек и взял прохладную руку жены.

– Прости меня, крошка. Прости. Я так кричал на тебя, даже замахнулся. Я так виноват перед тобой. Ведь я действительно сбегал в Перемещение от тебя, от проблем, от всего, что ранило и беспокоило. В этих мирах, что создавал я сам, мне было так хорошо, так спокойно и правильно. Я не хотел возвращаться. В отличие от тебя, я всегда знал, когда надо остановиться, не погружаясь слишком глубоко. Я всегда знал, что тот мир – иллюзия. Я держал свой разум под контролем. А ты... Ты тоже сбежала. Хотя нет, давай будем честными хотя бы сейчас: ты совершила попытку самоубийства. Почти удачную, почти идеальную. И я понимаю тебя, как бы дико это не звучало. Я... Приборы показывают, что и там, в своих мирах, ты страдаешь, раз за разом выдумывая себе новое inferno, и этому нет конца. Пожалуйста, остановись. Хватить самобичевания. Если бы я только мог. Если

бы я знал, как помочь тебе справиться с твоим отказом жить здесь и сейчас, со мной. Я очень виноват, я знаю, но... Прости меня. Пожалуйста, прости меня, Айоко. Ты же знаешь, что ты для меня важна. Всегда была. А я всё испортил. Думаешь, я не видел твоего недовольства и раздражения, твоих попыток – сначала настойчивых, затем робких – поговорить со мной? Видел. И только теперь я понимаю, что прятался от тебя, считая, что если не говорить о проблеме, то проблемы нет. А я не хотел проблем. Я хотел жить в удовольствие. Эгоистично, правда? Когда ты призналась мне в измене, когда ты плакала и раскаивалась – такая искренняя и открытая – я ощутил, как мой мир, подлатанный иллюзорным счастьем от Перемещения, распадается на куски. Он никогда не будет прежним. Я так отчаянно сорвался на тебя лишь потому, что понял: мне бежать больше некуда, ты поставила мне шах и мат, вынуждая меня принимать решение. Я ушёл тогда, оставив тебя одну – сломленную и разбитую – и этого я не могу себе простить. Мне надо было остаться. Ночевать в другой комнате, взять паузу, но не уходить от тебя, лишая последней надежды на прощение. Но я ушёл. Сбежал. Опять. И моё решение развестись – это тоже было бегством, я понимаю. Просто мне было очень страшно. Справляться с фактом измены мне не хотелось, я хотел просто перевернуть эту страницу своей жизни и начать всё заново. Я был уверен, что смогу.

Брайан замолчал и нежно провёл кончиками пальцев по

губам женщины.

– Узнав, что ты застряла в своих грёзах и тебя не могут вытащить из них, я обрадовался и испугался ещё сильнее. Так малодушно звучит, Айоко. Я просто ждал, чем это кончится: выйдешь ли ты из добровольной комы или умрёшь. Когда мне впервые предложили отключить тебя, я растерялся и выпалил «нет» прежде, чем осознал это. Я тогда не сделал осознанный выбор, я тогда вообще ничего не хотел решать. Просто сказал «нет». Чтобы от меня отстали, не трогали, не заставляли принимать решение. А потом я стал меняться, мне кажется, что я немного изменился. Я стал много думать о тебе, нас, о том, что раньше доставляло тебе боль. Именно тогда я простил тебя. Я был плохим мужем для тебя, любимая. Да, я всё ещё люблю тебя. Николя прав: я не знаю, какой ты вернёшься ко мне и вернёшься ли. Я теперь и сам вижу, что без последствий для твоего здоровья и разума ты не сможешь вернуться ко мне. Но и отпустить я тебя пока что не могу. Я всё ещё ужасный эгоист, крошка... Мне так хотелось бы вернуть время вспять и быть счастливым с тобой! Я бы находил в себе мужество обсуждать с тобой наши проблемы, взаимные претензии. Ты знаешь, затеяв суд с корпорацией, я тоже сбегал от тебя. Я придумал себе дело, которое требовало всего моего внимания и сил. Я бился не столько за тебя, за нас, сколько за своё право не принимать решение, бежать дальше, вперёд, подальше от себя. Быть с тобой – уже такая роскошь, которую я считал пустяком. Я

всё ещё люблю тебя, Айоко, хоть и не представляю, какой ты можешь вернуться ко мне, но прошу: вернись. Я больше не буду убегать, обещаю. Только вернись. Вернись ко мне.

Брайан мягко поцеловал лоб жены, вкладывая в этот поцелуй всего себя, все свои надежды и обещания.

Когда Николая озвучил своё предложение воздействовать на Айоко внутри её мира, убедив в необходимости признания созданного ею мира ненастоящим, первым порывом Брайана было желание самому отправиться туда, к ней.

– Нет, – твёрдо отказал ему в этом Николая. – Абсолютно исключено. Вы неизбежно наломаете дров, и тогда последствия будут непредсказуемы. Я постараюсь мягко влиять на её мир через неё саму. Возможно, мне удастся остановить это постоянное генерирование новых миров, тогда уже можно будет попробовать подтолкнуть её наверх. Было бы более правильным «послать» к ней психолога и, если Вы согласны ждать, мы начнём поиски самого подходящего специалиста. Я сам посвящу его во все тонкости работы системы, чтобы он смог разработать грамотный алгоритм работы с Айоко там. Что скажете?

– Нет, нет, нет. Никого чужого я не подпущу к ней! Это исключено! Я доверяю только Вам! – скоропалительно решил Брайан.

– Благодарю Вас, признаюсь, что я тронут таким отношением. Вы тоже стали мне очень близки. Вы оба. Однако Вы понимаете, что и тут я не могу дать Вам никаких гарантий: я постараюсь, но ничего не могу обещать.

– Но я... Я могу...

– Нет, Брайан, нет, слишком рискованно. Или Вы принимаете мои условия и я иду к ней, или оставляем всё, как есть.

– Я ведь могу... – хмуро начал было Брайан.

– Снова засудить меня? – понял его Николая. – Пожалуйста! У вас же так много времени! – глава Перемещения приглашающе развёл руки в стороны.

И Брайан согласился.

Сонастройка двух разумов заняла неделю. Действовать надо было максимально деликатно, чтобы не вызвать отторжения у принимающей стороны. Брайан был сильно взволнован предстоящим погружением Николая в мир жены, поэтому ещё раз поаплодировал уму и настойчивости изобретателю Перемещения: муж Айоко чувствовал, что был бы не в состоянии держать себя в руках и действовать мягко и методично.

Николя предпринимал отчаянную попытку по внедрению в сознание Айоко, отдавая отчёт в том, что она может его не выпустить и навсегда оставить в себе, слиться с ним. Однако это всё, что он мог сделать для Брайана. И не потому, что тот был готов перегрызть ему глотку и судиться до скончания веков. Нет. Николая чувствовал себя ответственным за такое состояние молодой женщины.

Он знал, что нельзя ставить сознание сломанного человека перед фактом, что мир, в котором они оказались, – выдумка, фикция. Это может свести человека с ума. Мало того, что Николая остался бы запертым в чужих больных мыс-

лях, страшнее было потерять призрачную надежду на благополучный конец всей этой истории.

Пара часов, проведённых Николая в «гостях» у Айоко, растянулись в сознании женщины на месяцы.

Его возвращение было лёгким, не имело ни для него, ни для клиентки никаких серьёзных последствий, кроме того, поселив свой образ в мире Айоко, установив между ними дружественную связь, он оставил как бы чёрный ход для себя и мог вернуться вновь.

К сожалению, особых успехов эта разведка боем не принесла, но и не усугубила состояние женщины. Такое положение вещей можно было назвать победой в небольшой битве.

Усталый, Николая сидел рядом с Брайаном у койки его супруги.

– Так она хорошо выглядит? – в который раз спросил Брайан, пропуская мимо ушей ответ раз за разом.

– У слона на голове рог, – бесцветным голосом произнёс Николая, которому надоело отвечать на вопрос, если ответ не слышат.

Возникла пауза.

– Что? – переспросил Брайан и развернулся к собеседнику.

Николя улыбнулся одними губами.

– О, я всё же привлёк Ваше внимание!

– Простите, Николая, я просто так рассчитывал, что всё удастся. Мне горько от неудачи.

– Я не назвал бы это неудачей. Мы сможем снова впустить меня к ней, и я снова поговорю с ней. Пока что она «играет» с моим образом, это тоже неплохо.

– Страдает? – невпопад спросил Брайан, найдя в себе силы задать этот непростой прямой вопрос.

– Страдает, – подтвердил Николая, не считая нужным скрывать очевидное. – Она убедила себя, что Вы совершаете перемещение за перемещением и не появляетесь теперь в том мире вовсе. О, и у вас есть собака.

– Собака?

– Да. Я так понимаю, что в реальности её никогда не было.

– Не было, – вздохнул Брайан. – Я боюсь собак. В детстве меня укусили.

– Понятно, – кивнул его собеседник. – Брайан, а почему гортензии?

– Она их очень любит. Она же выросла без родителей: отец исчез, как только мать Айоко сказал ему о беременности. Когда ей был год, то мать оставила её бабушке. Та очень любила свой сад. И внучку. Поэтому у Айоко детство можно назвать благополучным, насколько это возможно в такой ситуации. Бабушка неоднократно пыталась вырастить гортензии, но почему-то они плохо росли на той почве. Айоко... После смерти бабушки даже хотела сделать татуировку с ней, но мы тогда уже встречались, и я запретил. Не знаю почему, просто хотел, чтобы она сделала так, как я сказал. Она как-то купила себе этот цветок в кадке, поставила на крыльце до-

ма. Я в тот вечер сидел в баре с друзьями, напился и разбил горшок, сломал цветок. Я просто не люблю всё это вот, хотел, чтобы было по-моему, не было этой... нежности и мелочей этих... женских... Потом оказалось, что она купила эту гортензию, чтобы посадить на могиле бабушки. Мы крупно поссорились. Но она простила меня. Как всегда. Она всегда прощала меня. И я... И я был рад этому, потому что я знаю, какое я на самом деле ничтожество. Я всё ломаю, Николая. Всё, к чему прикасаюсь, разрушаю и прекращаю в пыль. Поэтому я была так благодарен ей, что она терпит меня, остаётся со мной, даже если я причиняю ей боль. Но это же ненормально, верно?

– Вы ей изменяли, – вместо ответа продолжил свой мини-допрос Николай. Ему как никогда было важно узнать обо всём. – Часто?

– Да.

– Думаете, она знала?

– Скорей всего. Но предпочитала молчать. Потому что... Я не знаю почему. Вернее... Мне кажется, что и она закрыла глаза на очевидное. И ей не хотелось что-то решать. А я просто не могу остановиться.

– Если она вернётся, то что будет?

– Скорей всего я снова стану ей изменять. Я понимаю, что могу обратиться за помощью. Но... Когда она вернётся, мне явно будет не до этого.

– Не до этого... – глухо подтвердил глава Перемещения.

– Николая, а там, в том мире всё подчинено её желаниям?

– Созданный ею мир максимально схож с нашим, только он идеальный. Знаете, такой как на поздравительных открытках. За исключением вещей, которые не являются для неё важными, на которые она не обращает внимания. А что?

– Если бы... Если бы я оказался там, с ней... то моя измена в её собственном мире?..

– Будет её решением. – подтвердил Николая догадку собеседника. – Но маловероятно, что это произошло бы, разве только ей не захотелось пострадать в силу привычки.

– Понятно, – протянул Брайан.

– Внутренний мир человека на самом деле не так сильно отличается от внешнего. Те же законы, те же ситуации, та же боль, которую человек переживает снова и снова или которую наоборот хочет скрыть. Ограничен ли внутренний мир? Бесспорно. Однако, когда человек полностью погружается в него, то он наполняется огромным количеством деталей и становится почти реальным. Айюко именно это и делает.

– Почему мне кажется, что Вы хотите снова сказать мне, как бесполезна моя надежда? Я всё понимаю, Николая, правда, понимаю. И у меня достаточно времени, чтобы быть честным с самим собой.

– Так почему Вы не отпустите её? Почему держите здесь её и себя?

– Потому что здесь у меня есть иллюзия, что всё можно изменить, что всё можно исправить, что и у нас есть шанс на

счастливую жизнь.

– «И умерли они в один день»? – печально улыбнулся Николя.

– Что-то в этом роде. Я всегда хотел быть для неё тем самым, знаете, прекрасным принцем. Однако продолжал всё портить.

– Брайан...

– До последнего клиента, Николя. – жёстче, чем намеревался, оборвал их разговор упрямец.

Через пару дней очередная сонастройка.

Николя просыпается в мире Айоко. Он подмечает все те мелочи, которые она делает для него: утреннее солнце мягкое, нежное, мелодично поют птицы, на столе – круассаны и ароматный кофе. На автоответчике – как старомодно – сообщение от его бывшей жены, в котором она просит у него прощения за свой выбор, благодарит его за всё, что он сделал ради неё, ради них. В конце она плачет. Николя благодарен Айоко за это. Конечно, это всё было сказано не голосом его жены, ведь хозяйка этого мира никогда не слышала его, но глава корпорации был тронут.

Когда он выходит из дома, то видит, как сильно разрослись гортензии во дворе: да, он действительно стал важен для неё. И он солжёт, если не признается в том же.

– Николя, послушайте, возможно, я сошёл с ума, но... Я должен задать Вам вопрос. Обещайте мне быть предельно честным.

Солнце несправедливо ярко светило сквозь большое окно, служа назойливым напоминанием о той жизни, что продолжается и требует ежедневных радостей наряду с проходящими горестями.

Брайан не мог выдержать этого и закрыл жалюзи.

– Конечно, – откликнулся «житель двух миров», расставляя принесённый им кофе на столике возле койки. – Что случилось?

– Николя... Этот мир реален?

Брайан вперил прямой взгляд в глаза изумлённого собеседника.

– Я не выдумал его?

– Зачем было бы Вам выдумывать такой мир и такое существование? – удивился глава Перемещения.

– А что если это я застрял в своём чувстве вины перед ней и желании сбежать? Вот и устроил себе такой личный ад. Как это делает Айоко. Прошу Вас, скажите мне правду. Это я запутался в своём разуме? Это ко мне Вы пришли в сознание, чтобы рассказать о том, что я сам создал мир вокруг меня и я наконец могу очнуться и вернуться обратно? Пожалуйста,

скажите мне, я уверен, что справлюсь с этим.

Николя медленно обвёл нечитаемым взглядом мужчину перед собой, подмечая судорожно сцепленные в замок пальцы, дёрнувшийся желвак, взгляд тёмных глаз с нескрываемой надеждой, чуть подрагивающие губы.

– Брайан... Вы – очень умный человек...

Тот чуть подался вперёд.

– Однако тут Вы перемудрили. Мне жаль разочаровывать Вас, однако этот мир реален настолько это вообще возможно. И Вы, и я, мы живём в нём. Возможно, что наш мир – это тоже отражение чьего-то разума, высшего сознания, однако утверждать с уверенностью я этого не могу.

– То есть...

– Вам не удастся сбежать, Брайан. Это реальность, какой бы неприятной она не была сейчас для Вас. Я настоятельно рекомендую Вам поехать домой, принять снотворное и хорошо выспаться. Я не мог не заметить, что Вы осунулись и похудели – очевидные последствия плохого и нерегулярного питания и бессонницы. Всё это подрывает Ваши душевные и физические силы. А раз Вы решили ждать её, то надо подготовиться к долгому забегу, а не спринту, если Вы понимаете о чём, я.

Брайан обречённо кивнул: понимает.

– Я по-прежнему люблю её, Николая.

– Это хорошее чувство, – кивнул тот. – Но сейчас оно в высшей мере эгоистично. Я не хотел этого говорить Вам сей-

час, однако вряд ли для этого можно найти подходящий момент: побывав там, с ней, я не уверен, что Айоко удастся вытянуть сюда. Она погрузилась очень глубоко, процесс мягкого и максимально безболезненного подъёма её с глубины сознания, займёт год, а может два. И это приблизительно, если она будет хорошо поддаваться моей терапии. Думаю, что всё же начну поиски психолога или даже команды психологов. Я проверил её физические показатели: атрофия мышц всё яснее, роботы делают свою работу максимально хорошо, а тело угасает. Вам придётся принять решение, Брайан. Ради неё. Ради Вас обоих. Она убежала так далеко, что её уже не догнать.

Еще месяцев 5 назад Брайан за подобные слова кинулся бы с кулаками на собеседника. Сейчас ему только и оставалось, что обречённо вздохнуть.

Тем не менее несмотря на свои постоянные уговоры Николая стал понимать Брайана и в душе одобрять его упрямство. Его теперь уже бывшая жена была счастлива с другим мужчиной, ему самом было пора найти кого-то, потому что одиночество всё сильнее давило на него, особенно вне здания корпорации. После развода Николай погрузился в работу, выбивая себя из череды грустных мыслей и сожалений, заглушая себя не алкоголем, но делами. Ему было невыносимо ощущать себя одному, никому не нужным, не важным, не любимым. Некоторые коллеги проявляли к нему интерес, но мужчина как любой трус с неизлеченной раной на сердце от-

талкивал всех с завидным постоянством. Никто не знал, что на самом деле этот симпатичный, богатый, умный человек, построивший вокруг себя стену из ледяных глыб, на самом деле очень хотел, чтобы кто-то был с ним рядом, не ушёл, не испугался этой неприступной цитадели, а сел рядом и ждал. Однако Николя не был честен в самим собой: навстречу идти он не хотел, как и самому стараться убрать хотя бы пару ледяных кирпичей из воздвигнутой им самим стены, именно поэтому даже если эта его слабая тихая мольба остаться с ним рядом была услышала, то без каких-либо действий с его стороны, она не могла быть удовлетворена. С течением времени и ростом корпорации он окончательно убедил себя в своём безоговорочном удовлетворении своей рабочей жизнью.

И вот случилась сбой, непредсказуемая ситуация, непрогнозируемая: клиента не могут вывести из системы.

Страх проник во всё его существо: страх остаться один-на-один ни с чем, со своей пустотой и ненужностью – его личный «монстр под кроватью».

Брайан добился закрытия Перемещения, несмотря на плеяду юристов корпорации. И всё только потому, что общество, то самое общество, которое недавно обожало Николя за его изобретение, давало ему всевозможные награды, внезапно отвернулось от него, требуя прекратить «игры в Бога».

А Николя и не старался стать Всевышним, он просто хотел быть важным для кого-то, в то время как его любимая

женщина обрела счастье с другим.

И всё же несмотря на закономерную неприязнь и гнев в отношении Брайана, глава Перемещения понимал этого мужчину. Впервые он сам стал искать с кем-то встреч и навязывать свою компанию. Он ни за что не признался бы самому себе, но... Его мечтой и тайной надеждой стало то, чтобы Айоко как можно дольше не выходила из добровольной комы: тогда у него будет прекрасная причина, оправдание самому себе для того, чтобы по-прежнему проводить много времени на работе. Пусть сейчас тут было довольно тихо, однако компания Брайана и парочки коллег стала его отдушиной и «местом силы». Коллеги с удивлением наблюдали за тем, как незримо он кирпич за кирпичом разрушал свою ледяную стену, позволяя себе быть ближе к окружающим его людям и разрешая им чувствовать его тепло.

Разговоры с Брайаном и даже обоюдное молчание были ему приятны. Он много думал и просчитывал варианты дальнейшего развития событий, и пришёл к выводу, что его устроит любой из них.

А ещё... Как ни странно, но ему понравился мир Айоко. Кто знает, может они действительно подружились бы в реальном мире. Ведь он чувствовал её доброе расположение к нему. Да и вообще мир её светлый, мягкий, уютный. Из такого действительно не хочется уходить.

Предложив Брайану самому спуститься в разум Айоко, Никола без утайки рассказал ему обо всех рисках, включая самый важный из них: нет никакой гарантии того, что Айоко захочет вернуться. Это в свою очередь ставило перед мужчиной непростой выбор: вернуться тогда обратно или остаться добровольно запертым в сознании Айоко, в созданном ею несуществующем мире. При этом возвращение опять же возвращало Брайана к дилемме: отпустить или ждать.

Выбор и его последствия. Это неизбежно. Даже бездействие – это тоже выбор, влекущее за собой последствия.

Брайн, которому опостылело вынужденное бездействие, почти сразу согласился на погружение в мир Айоко. Он верил, что сможет убедить её вернуться, сможет рассказать, как ему жаль и что он прощает её, давно простил, и теперь настал черёд Айоко простить саму себя. Он не был уверен в успехе, но верил, надеялся. Брайан был рад возможности сделать хоть что-то!

Николя очень дотошно и скрупулёзно объяснял ему правила поведения в чужом разуме, постоянно экзаменуя своего почти-друга, он добился того, что ответы – заученные, понятые – скороговоркой слетали с губ Брайана.

День Икс настал.

Брайана подготовили и уложили на койку рядом с Айоко,

подсоединили к жене множеством проводков и световых потоков.

– Так красиво, – сказал Брайан. – Мы словно в коконе.

– Какой же вы всё-таки романтик, – с укором покачал головой, улыбнувшись, ответил Николая. – Итак, напомню, мы будем следить за Вами через датчики и, если Ваше решение, изменится, то прыгните с тарзанки, прокатитесь на самых крутых американских горках, бросьтесь с моста – что угодно, лишь бы ваш пульс подскочил от адреналиновой встряски. Тогда мы вернём Вас.

Брайан лишь коротко кивнул, сжав кулаки. Во рту пересохло, помимо воли дыхание стало сбиваться.

– Постарайтесь взять дыхание под контроль, – нахмурился Николая. – Показатели должны быть стабильны.

– Хорошо, – прошептал Брайан и прикрыл веки, утихомиривая своё волнение. – Спасибо Вам, Николая. Если будет скучно – заходите на ужин!

– Всего доброго, Брайан! – тихо откликнулся Николая и легко пожал пальцы мужчины. Затем он кивнул персоналу, и маска с усыпляющим газом деликатно легла клиенту на лицо. – Может как-нибудь зайду...

Брайан ощутил запах сахарной ваты и глубоко вдохнул этот приятный аромат, ощущая следом, как его тело проваливается во что-то мягкое и тёплое.

Забвение.

По коридору этой части здания приглушённо раздавались шаги и лёгкий скрип резиновой подошвы о пол.

– Николая! – окрикнул шедшего приятный мужской голос и медбрат – молодой человек с пирсингом в щеке – приветливо махнул рукой. – Мы с ребятами решили заказать пиццу и поесть её на крыше, пока погода хорошая. Вы с нами?

– Конечно! – тепло улыбнулся в ответ глава корпорации и полез в карман за бумажником. – Мне – с артишоками и лососем!

– Как можно есть такое пижонское сочетание? – закатил глаза медбрат. – У Ромео и Джульетты всё хорошо кстати. Все показатели в норме.

– Да, спасибо, как раз хотел их навестить, – откликнулся Николая, умалчивая о том, что уже проверил показания системы.

Молодой парень взял деньги и скрылся за дверью ординаторской, громко призывая остальных активнее определяться с выбором.

Николя теперь не одинок. Пусть это не настоящая семья, у коллег перед ним нет никаких обязательств, но он этого и не просит. Он просто рад быть с людьми, и это оказалось проще, чем казалось.

Чтобы сократить издержки, Николая продал здание Пере-

мещения и перевёз двух последних клиентов и оборудованное в скромный офис недалеко от электростанции, с автономной аварийной энергоустановкой в подвале. Просто на всякий случай.

Супруги лежали в одной палате на соседних койках. Мерно попискивали аппараты, привычно жужжали роботы.

Сегодня Николая изменит своей привычке и не останется с ними больше часа: он же обещал подняться с ребятами и пиццей на крышу. Иногда он разговаривает с обоими супругами, иногда по отдельности, может и помолчать, но чаще читает им вслух: новости, стихи, прозу, научную литературу. Ученый почти уверен, что лежащие перед ним люди не слышат его, но ему это не важно. Он лишь крепко надеется, что они наконец смогли обо всём поговорить и остаться вместе, как и хотели. Если верить трактовке показаний приборов, которые он проверял неоднократно, то Брайан по-прежнему в сознании Айоко. Остаётся лишь мечтать, чтобы им двоим было там хорошо. Хорошо, насколько это возможно, учитывая, как люди любят создавать себе своё собственное inferno.

Николай прекрасно помнит просьбу Брайана, подкреплённую в официальном документе, скреплённому подписями у нотариуса: тут же отключить систему жизнеобеспечения, если организм Айоко сдастся раньше. Со дня соединения сознания супругов, жизненные показатели женщины немного улучшились, однако прогнозы Николая решил малодушно не

смотреть. Не сейчас. Не хочет. Разрешил себе сбежать от этого.

Он устроился на стуле между Брайаном и Айоко, открыл принесённый томик стихов Фета и, прокашлявшись, принялся читать с выражением и чувством, словно выступая на публике.

После того, как его позвали, он поставил стул к стене и вышел, напоследок кидая взгляд на спокойные лица людей.

До последнего клиента.

Эпилог

– Брайан! Смотри! Открылся новый парк развлечений! И там такие огромные Американские горки! Пойдём? Ты кажется как-то звал меня туда!

– Нет, крошка, пока нет. Поехали к морю: чудесный день, чтобы поплавать...

© Морозова Дарья Вячеславовна

Октябрь – ноябрь 2019

В оформлении обложки использована фотография <https://stock.adobe.com/ru//> по стандартной лицензии.

Обложка от Books Cover Land: <https://vk.com/bookscoverland>